

ЮЛИЯ ШИЛОВА

КОРОЛЕВА ОТМОРОЗКОВ, ИЛИ Я ЖЕНЩИНА, И ЭТИМ Я СИЛЬНА!

Юлия Шилова

Королева отморозков, или Я женщина, и этим я сильна!

«Шилова Юлия Витальевна»

Шилова Ю. В.

Королева отморозков, или Я женщина, и этим я сильна! /
Ю. В. Шилова — «Шилова Юлия Витальевна»,

ISBN 978-5-699-21581-2

Похоронив мужа, питерского авторитета, который даже своей смертью доставил ей немало хлопот, Она стала главой криминальной группировки. И это не обсуждалось – все и так знали, кто на самом деле управляет делами. Красота и ум помогают молодой женщине справляться с "текущими делами", а помощники готовы ради своей королевы на все, особенно Бульдог. Но нельзя показывать свои чувства – это неписаный закон криминального мира. Справляться со своими желаниями становится все тяжелее, особенно, когда ощущение, что тобой пытаются управлять, не покидает…. А может быть это кто-то из тех, кого ты давно и хорошо знаешь? И она объявляет войну! Выжить и отомстить – на это способен только сильнейший! Тем более что особое положение обязывает…

ISBN 978-5-699-21581-2

© Шилова Ю. В.
© Шилова Юлия Витальевна

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юлия Шилова
Королева отморозков, или Я женщина, и этим я сильна!

От автора

Здравствуйте, мои дорогие и горячо любимые читатели!

За недолгим расставанием последовала наша с вами встреча. Я с нетерпением ждала, когда же она произойдет, и прилагала для этого все усилия. Я безумно благодарна вам за то, что вы держите в своих руках эту книгу. Она была написана мною несколько лет назад, но я вместе с вами решила подарить ей новую жизнь. Для кого-то этот роман стал одним из самых любимых, кто-то считает его не самым успешным, но это, по большому счету, неважно. Ни я, ни мои книги не могут быть хорошими и желанными для всех. Поэтому все мои обращения перед романами для тех, с кем у меня возникло искреннее взаимопонимание, кому я действительно нужна и кому дорого мое творчество.

Сейчас за моими плечами уже сорок пять произведений, а эта книга была лишь одной из немногих первых в моем писательском багаже. Тогда я была начинающим автором, но я безгранично верила в свою счастливую звезду и знала, что мои книги обязательно найдут своего читателя, потому что они написаны искренне. Я никогда не писала их ручкой, я писала их своею душой.

В своих письмах довольно часто вы задаете мне один и тот же вопрос: как отличить мои только что написанные книги от тех, которые были написаны несколько лет назад, ведь теперь у всех у них двойные названия? Это очень просто. Пожалуйста, будьте внимательны и помните, что вы мне очень дороги и, поверьте, никто не хочет вас обмануть. На моих новых книгах в нижнем правом углу написано: НОВИНКА. На книгах, написанных несколько лет назад: НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГЕ. Никаких хитростей и секретов нет. Просто сроки действия договоров с одним издательством истекают, и книги переходят в другое издательство. Это нормальный жизненный процесс, и так происходит со всеми авторами, которые по каким-либо причинам перешли из одного издательства в другое. Издательство ЭКСМО сделало всем моим ранее написанным книгам настоящий подарок. Они выходят в новой, более яркой и красочной обложке. Книгам сделана новая редактура, а у меня появилась потрясающая возможность вносить свои дополнения, размышления и, как и прежде, общаться с вами на страницах своих романов. Теперь я могу отвечать на ваши письма и вопросы в конце книг, рассказывать о том, что творится в моей творческой жизни, да и просто писать о том, что у меня на душе.

Эта книга о нашей соотечественнице, которая прошла долгий и тернистый путь. Люблю ли я эту книгу? Конечно, люблю, впрочем, как и все свои книги, потому что, как бы это ни было банально сказано, они все для меня, как мои дети. В каждую из них я вложила душу. Холила, лелеяла, выращивала и не спала ночами. Говорят, что мои старые книги очень сильно отличаются от моих сегодняшних. Я этого и не отрицаю. Кому-то мои новые криминальные мелодрамы нравятся больше, потому что в них много психологических рассуждений, которые вы выписываете в свои блокноты и воспринимаете их как руководство к действию, и это не может не радовать. Они более трепетные, позитивные и не такие кровавые, как раньше. Другим больше по душе мои первые романы, потому что они более жесткие и в них больше цинизма. Не обессудьте, но я пишу так, как мне пишется, так, как я себя на сегодняшний день чувствую, я не могу быть хорошей для всех и одинаково удовлетворять вкусы всей читающей публики. Если вам нравится все, что я делаю, вам близко и понятно мое состояние, тогда нам с вами

по пути. Если нет, не теряйте времени даром и обретайте новые литературные пристрастия, благо книжный рынок это позволяет. Я пишу для тех, кто находится со мной на одной волне, кто чувствует меня между строк и нуждается в моих книгах точно так же, как и я нуждаюсь в любви своих дорогих читателей.

Сейчас в моей жизни появилась определенность, во мне открылись новые грани характера, о которых я не знала ранее. Мне больше не хочется разрушать. Я учусь строить, и я уверена, что у меня это уже получается. Хотя… кто знает. В этой жизни никто не застрахован от случайностей, и неизвестно, что может быть завтра. Быть может, завтра мне придется зажмурить глаза, чтобы не видеть, как все в очередной раз рушится… Но, как и все мы, я надеюсь на лучшее и хорошо знаю, что сейчас я стала намного сильнее, а это значит, что я не боюсь перемен, не предъявляю претензий к своей судьбе и умею встречать каждый свой день с улыбкой.

Героиню этого романа можно смело назвать стервой. Для кого-то из моих читательниц она стала близкой подругой и вызывает настоящее восхищение. Кто-то, наоборот, испытывает к ней неприязнь и считает, что от нее исходят только негативные эмоции и чувства. Сколько людей, столько и мнений. Но тем не менее моя героиня не может оставить хоть кого-то равнодушным, потому что она СТЕРВА, а стерва не может быть положительной для всех подряд. Она никогда не разменивается по мелочам и всегда бьет по мужскому самолюбию, ища в мужской психике как можно более слабые и уязвимые места. Она слишком непредсказуема и своевольна, несмотря на то что за эту своевольность ей приходится слишком дорого платить. И все же моя героиня свободна и независима, как внутренне, так и внешне. Она назначила себе высокую цену и хорошо уяснила тот неоспоримый факт, что мужчина не даст ни на грош больше той цены, которую ты назначила себе сама.

Это история молодой девушки, которая умела манипулировать людьми, незримо управлять их действиями и направлять ситуацию в нужное русло. Она просто не побоялась быть сильной, умела блефовать и рисковать, а еще она умела достойно проигрывать.

Мой сердечный и дорогой Друг! Мой любимый читатель! Мне хочется выразить тебе свою искреннюю благодарность за то, что ты взял в руки эту книгу. Я думаю, что этот роман должен занять достойное место на вашей книжной полке. Я предлагаю проживать жизнь вместе с моей героиней и преодолевать с ней все трудности в поисках женского счастья. Только вот найдет ли она его? В процессе чтения накопится много вопросов, на которые придется искать ответы.

Спасибо за ваше взаимопонимание, за любовь к моему творчеству и за то, что вы согласны со мной, что мои книги, вышедшие в новом издании, представляют ничуть не меньшую ценность, чем те, которые только что вышли из-под моего пера. Спасибо за то, что вы помогли мне подарить этой книге новую жизнь. Мне сейчас, как никогда, необходима ваша поддержка.

…Поэтому устраивайтесь поудобнее, налейте себе чашечку вкусного чая и разрешите мне пожелать вам приятного чтения. А я ни в коем случае вас не покину. Я буду рядом. Мне самой жутко интересно, какие события происходят в этом романе, какие интриги и страсти там разгораются. Я вместе с вами буду переживать все события заново. Признаться честно, мне вообще не хочется с вами расставаться, но, после того как вы прочитаете эту книгу, увы, все же придется. Но это совсем ненадолго, потому что за расставанием обязательно последует скорая встреча, и она произойдет сразу, как только вы возьмете в руки мою следующую мелодраму. Вы не представляете, как много мне хочется вам рассказать, как многим хочется поделиться, только бы хватило сил, здоровья и времени. Мне слишком дорого наше с вами общение.

До встречи в следующей книге.

Любящий вас автор *Юлия Шилова.*

Глава 1

Я сидела в своей роскошной спальне, закинув ноги на стенку, и дрожащей рукой распечатывала пачку «Мальборо». Жутко болела голова. Самое лучшее лекарство в такой ситуации – хорошая порция виски. Только дорогого, элитного, а не какого-нибудь там дешевого ларечного дерьма. Часы показывали двенадцать. Вынос тела и похороны начнутся ровно в три. Скорей бы приехала Юлька. Она, как никто, умеет успокаивать. С ней можно пережить все, что угодно. Даже такое.

Закурив сигарету и налив полный бокал, я закрыла глаза и постаралась сдержать слезы. Неожиданно дверь распахнулась – и на пороге появилась Юлька.

– Привет, подруга! Ну как ты, держишься?

– Держусь, а куда деваться, – уныло буркнула я.

– Во сколько начало торжества? – усмехнулась Юлька.

– В три. Там, наверное, народу уже полный дом собрался?

– Да, начали подтягиваться. Послушай, подружка, тебе бы не мешало у гроба немного посидеть, а то там уже и так всякое судачат.

– Да пусть хоть языки сточат! – разозлилась я. – Всем хорошо известно, что мы при жизни особого влечения друг к другу не испытывали. А разговоры все равно будут – и от них никуда не денешься. Я уже на это настроилась.

– Разговоры разговорами, а у гроба посидеть ты просто обязана!

– Я никому и ничем не обязана, а уж тем более Фоме.

Юлька подошла ко мне и обняла за плечи:

– Пойми, милая ты моя девочка. Сегодня ты хоронишь своего мужа. Как бы ты к нему ни относилась, тем не менее Фома был твоим мужем. Поэтому ты должна выглядеть как скорбящая супруга, а то не по-людски как-то получается. Окружающие не поймут.

– Странная ты женщина, Юлька! Я всегда тебе поражалась. Послушать тебя – так то, что я его на тот свет отправила, это по-людски, а то, что у гроба сидеть не хочу, это не по-людски.

– Вот здесь ты, подруга, в корне не права. Ты его не убивала! Он сам пошел ночевать в гараж, никто его туда не тащил! Залез в свой «Мерседес» и уснул при включенном моторе. Результат налицо – отравился угарным газом. Твой Фома не один – таким образом куча мужиков на тот свет отправляется.

– Так-то оно так. Но ночевать-то его я не пустила. Он по моей вине ушел в гараж.

– Ерунда! Никакой необходимости ночевать в гараже не было! Мог бы и к бабе какой-нибудь поехать, к примеру. Уж баб-то у него пруд пруди! Да и вообще, можно подумать, у него мало мест, где можно перекантоваться не без пользы для себя.

– Ой, и не говори! Трудно, что ли, было у какой-нибудь проститутки зависнуть или на городскую квартиру уехать. В крайнем случае номер в отеле мог бы снять. Я, по большому счету, своей вины не чувствую.

– Конечно, потому что ее нет. Ты сама всегда ждала этого конца. Мы-то с тобой прекрасно знали, что это когда-нибудь произойдет, только не рассчитывали, что так скоро и именно таким способом. Теперь ты хозяйка этой империи! Ты же ведь давно уже этим бредила. Фома твой скурился и скокаинился! Он уже не мог управлять своей компанией, тем более что в последнее время жил только твоим умом. Собственных решений он принимать не мог, мозгов не хватало. За глаза хозяйкой всегда считали тебя. А теперь ни у кого не возникнет лишних вопросов. Все встанет на свои места – так, как оно и должно быть. Пошли, милая, люди ждут.

– Пошли.

Я отхлебнула виски, повязала черную косынку на голову, взяла Юльку под руку и отправилась к гостям. Пришлось сделать скорбное лицо, пожимать руки и принимать соболезнования.

Дом был полон народу. Я знала, что стоянка не смогла вместить такого сумасшедшего количества «Ауди», «Вольво», «Мерседесов», «BMW» и других машин, – пришлось перекрывать проезд. О том, что движение перекрыто, сообщали по телевизору.

– Ты только посмотри, здесь весь цвет общества собрался, – шепнула мне на ухо Юлька. – Фома бы из гроба выскочил как ошпаренный, если бы увидел, сколько народу с ним пришло проститься.

– Это точно. Он и представить себе не мог, что даже из администрации города к нему пожалуют. Если бы увидел, то сразу бы в гробу перевернулся. Только бы поскорее весь этот маскарад закончился!

– Потерпи, уже немного осталось. Присядь у гроба.

– О нет! Только не это.

– Сядь. Так положено.

Юлька подвела меня к стулу, и мне ничего не оставалось делать, как сесть с постной физиономией напротив Фомы. От неприятного запаха и большого скопища народа сильно закружилась голова и потемнело в глазах. Так и свалиться недолго, причем прямо на Фому. От этой мысли мне стало совсем плохо. Я поднялась и направилась к выходу. Гости в недоумении посмотрели на меня и начали перешептываться. Хорошо, что хоть Юлька выручила. Она подбежала, взяла меня под руки и громко – так, чтобы всем было слышно, – заголосила:

– Врача! Срочно врача! Человеку плохо!

– Какого врача?! Что ты несешь! Я просто хочу постоять на свежем воздухе, а то, если еще хоть пару минут посижу здесь, врач и в самом деле понадобится. Вонища, хоть нос затыкай. Не знала я, что он такой вонючий!

– Он у тебя, кажется, и при жизни не шибко хорошо пах. От него всегда разило, как от старого козла.

Мы вышли на воздух, и я сделала глубокий вдох.

– Смотри, вон Бульдог трется. – Юлька показала в сторону быстро приближающегося мордоворота внушительных размеров. Его прозвище соответствовало ему просто исключительно.

– Мчится, как преданный пес, – усмехнулась я.

– Конечно, он и так твой преданный пес. Был правой рукой Фомы, а стал твоей. Только с ним надо ухо востро держать, а то не так руку сунешь – он ее мигом откусит.

Бульдог добежал до крыльца, улыбнулся и постарался отдышаться.

– Чупа! Врач через пару минут будет. Тебе сильно плохо? – спросил он испуганно.

– Уже нормально, – сквозь зубы процедила я.

– Так что с врачом делать?

– Отбой. Пусть отдыхает.

– Ты уверена?

– Вполне.

Бульдог развернулся и перестал докучать мне своими вопросами. Мы с Юлькой переглянулись, и я довольно произнесла:

– Какая заботливость! Мне чуть дурно не стало от такой опеки.

– Подожди. Это только начало. Скоро они все перед тобой семенить начнут.

Я внимательно посмотрела на Юльку и спросила:

– Послушай, подруга, а ты во сколько от меня уедешь?

– А что?

– Не уезжай. Оставайся ночевать. Мне сегодня так плохо. Разожжем камин, посидим с бутылочкой до полуночи. Помнишь, как раньше! Останешься?

– Останусь. Не могу же я тебя бросить в таком состоянии.

– А как твой ненаглядный на это отреагирует?

– А куда ему деваться. Он же меня силой домой не потащит ночевать. Будет с мамой вести светские беседы и капучино попивать, ничего с ним не случится.

– Тогда порядок. Я рада, что ты останешься. Как только этот маскарад закончится, поедем в сосновый бор ко мне на дачу. Будьдог шашлычков нам сварганит.

– Неплохая мысль, – улыбнулась Юлька и чмокнула меня в щеку.

Наконец часы пробили три. Фому вынесли на улицу, я поцеловала его в лоб и направилась к машине. Юлька села рядом и чуть слышно прошептала:

– Молодец! Ты была просто неотразима. Теперь осталось совсем немного.

– Да уж, надеюсь, – вздохнула я и посмотрела в окно.

На кладбище мне пришлось лицезреть, как Фому опускают в яму, и даже всплакнуть, когда первые комья земли упали на дубовую крышку. Слава богу, все закончилось, теперь можно ехать на дачу. Мы с Юлькой переглянулись и пошли к машине. Следом за нами выбежал Бульдог.

– Чупа, я тебе нужен? – поинтересовался он.

– Конечно. Пацаны пусть остаются до самого конца. Проводят гостей, а ты поедешь с нами.

– Куда вы собрались?

– На дачу. Хочется соснами подышать, а то совсем тяжко. Прыгай на свою тачку и рули за нами.

– Как скажешь, Чупа.

Бульдог сел в машину и поехал следом.

– Ну прямо как преданный пес! – усмехнулась Юлька. Затем погладила мою голову и еле слышно сказала:

– Вот и все, Чупа. Вот и все.

Приехав ко мне на дачу, мы зашли в дом и открыли все окна.

– Погодка просто чудо, – улыбнулась я и глубоко вздохнула, чтобы набрать как можно больше свежего воздуха в легкие. – Самое главное, что Фомы больше нет.

Юлька сняла строгий черный костюм, надела короткий халатик и пошла к Бульдогу, чтобы отдать ему распоряжение насчет шашлыков. Я с удовольствием растянулась на полу и стала разглядывать свое отражение в зеркальном потолке. Рядом со мной стояла начатая бутылка виски. Открыв ее, я отхлебнула прямо из горлышка и чокнулась со своим отражением. Дверь открылась. В комнату вошла Юлька и, не говоря ни слова, плюхнулась рядом. Затем она взяла бутылку из моих рук и сделала порядочный глоток.

– Ты помнишь, как мы сюда приехали?

– Помню, – улыбнулась я и предалась воспоминаниям.

Юлька, кажется, решила последовать моему примеру. Закрыв глаза, она напрягла лоб и замолчала. Все-таки здорово, что мы с ней встретились! Юлька просто чудо.

Много лет назад мы познакомились с ней в поезде Хабаровск – Москва и больше не расставались. В Москве мы проболтались пару недель и рванули в Петербург. У меня было несколько адресов, где по рекомендации моих знакомых нам могли дать крышу над головой и обеспечить работой хотя бы на первое время. Тогда-то я и познакомилась с Фомой. Фома был намного старше меня и имел кое-какой авторитет в бандитских кругах Питера. Мне удалось его увлечь и женить на себе. Со временем дела Фомы пошли в гору, и наступил момент, когда из обыкновенного братка он превратился в заметную в криминальном мире фигуру. Можно сказать – выбился в лидеры.

Но постепенно Фома пристрастился к кокаину и стал настолько туго соображать, что мне приходилось перетягивать дела на свою сторону. В конце концов они перешли под мой полный контроль. Я ведь с самого раннего детства имела железную хватку и стальные нервы. Жизнь научила меня умению постоять за себя. Я уже и не помню того момента, когда злость и жестокость всецело завладели моей психикой, а ненависть к Фоме переросла всякие границы. Я готова была его убить, когда он приволок в наш дом сифилис. Правду говорят, что лучший метод защиты – это нападение. Вот как раз такую тактику и избрал для себя Фома. Заразив меня этим дерьмом, он с пеной у рта стал доказывать, что инфекция просочилась в наш дом не без моей помощи. Тогда я влепила ему хорошую пощечину и не разговаривала с ним больше месяца. Потом наступило небольшое затишье, но простить его я так и не смогла.

Я никогда не любила Фому. Скажу больше: я просто его презирала. Его смерть развязала мне руки и открыла новые перспективы для полного захвата власти и наведения порядка в группировке.

– О чем ты думаешь? – перебила мои мысли Юлька.

– О Фоме. – Я отхлебнула из бутылки и тупо уставилась на свое отражение.

– А что о нем думать?

– Не знаю. Все-таки столько лет прожила…

– В этом есть своя выгода. Теперь ты свободная женщина, а самое главное – у тебя осталось богатое наследство. Три ресторана и пять магазинов. Я думаю, что это совсем не плохо для того, чтобы не считать себя обделенной вдовой. Тем более что ты у нас не новичок. По-моему, еще при жизни Фомы все дела висели на тебе, и ты прекрасно с ними справлялась.

– Это ерунда, – вздохнула я и протянула бутылку Юльке. – Самое главное – удержать власть и еще больше в ней утвердиться. Как управлять магазинами и ресторанами, я, конечно, знаю – это просто, как таблица умножения, а вот как управлять стадом доставшихся мне в наследство отморозков, я пока плохо представляю.

– Глупости. С этим ты тоже прекрасно справишься. Тебе это удастся даже лучше, чем Фоме. У тебя все получится!

– Дай бог. Ты только приезжай почаще и интересуйся моими делами.

– Конечно. Буду вырываться к тебе при любом удобном случае.

– Осталось только пожелать, чтобы таких удобных случаев у тебя было как можно больше, – улыбнулась я.

Через пару минут в комнату зашел Бульдог. Увидев нас, он не смог скрыть удивления:

– Вы что на полу разлеглись?

– Устали, – пробурчала я. – И вообще, запомни одну вещь: не смей никогда заходить ко мне без стука.

– Да ладно, Чупа, что ты, в натуре, взъелась, я просто хотел позвать вас в беседку. Шашлыки готовы.

– Я не знаю, в натуре или не в натуре, но я хочу, чтобы ты намотал себе на ус то, что я тебе сказала. Ты меня понял?

– Я все понял.

– Это радует. Кстати, а из чего шашлыки?

– Свинина, свежак. Как ты любишь. Я их специально не обжаривал, чтобы мясо нежнее было. И несколько палочек печеной картошки. Ты же ее тоже любишь уплетать за обе щеки, – усмехнулся он.

– Я хочу шашлык из осетрины. Мясо – это, конечно, хорошо, я с удовольствием поем, но почему ты не сделал несколько палочек из осетрины?

– Юлька мне ничего не сказала…

– А при чем тут Юлька? Тебе что, Юлька, что ли, деньги платит?

– Нет.

– Тогда в следующий раз, прежде чем что-нибудь делать, уточни у меня.

– Хорошо. Я позову, как будет готово.

Бульдог хлопнул дверью, а я весело подмигнула Юльке:

– Ну как?

– Сногсшибательно! Ты начала входить в роль крутого бандюка. Слов нет! Бульдог чуть с ума не сошел от страха!

– Я предлагаю пойти поесть шашлычков. Парная свинина – моя слабость. Особенно с красным вином.

– А как же осетрина? – удивилась Юлька.

– Осетрина тоже неплохо. Пойдем, а то у меня уже слюнки текут.

Я взяла Юльку за руку и потянула на улицу. Мы добежали до беседки и включили легкую музыку. Открыв бутылочку французского красного вина двадцатипятилетней выдержки, я наполнила бокалы. На столе лежали десять палочек шашлыка из свинины и пять палочек с печеным картофелем.

– За нас! – торжественно произнесла Юлька и до дна осушила свой бокал.

Я с удовольствием проделала то же самое и посмотрела на Бульдога. Он с угрюмым выражением лица резал осетрину и что-то напевал под нос.

– Бульдог! – окликнула его я. – Подкрепиться хочешь?

– Щас, только осетрину дорежу, – обрадовался он. Через пять минут Бульдог принес третий бокал и принялся дегустировать свое творение.

– Класс! Чупа, я же знаю, что ты именно такой шашлык любишь. Парной, чуть перченый и натертый луковым соком.

– Люблю. Из тебя бы получился отличный повар. Что-что, а уж готовить ты умеешь.

– А я не только готовить умею, Чупа, просто ты слишком мало обращаешь на мои способности внимания.

– И какие же это у тебя есть еще способности? – поинтересовалась я.

– Я, например, трахаюсь хорошо.

Бульдог сощурил глазки и хитро посмотрел на меня.

– Эти способности меня не касаются. На дешевый понт не возьмешь, – отрезала я. – Пусть их оценивают твои подружки!

– Да ладно, Чупа, я же пошутил. Ты тоже – все сразу в штыки принимаешь.

– У меня, между прочим, муж умер, и сегодня его похоронили, а ты решил со мной шутки шутить. Не шутится мне сегодня, понятно!!! У меня траур! – разозлилась я.

Бульдог замолчал и отвернулся в сторону. Затем он привстал и насторожился.

– Чупа, по-моему, что-то случилось!

Я проследила за его взглядом и увидела четыре джипа, принадлежавших моим мальчикам. Они резво мчались прямо к моей даче. Как только машины затормозили, я вышла навстречу и попыталась выяснить, в чем дело. Мои ребята собрались в круг и старались не смотреть мне в глаза. Бульдог, почуяв неладное, встал рядом и слегка приобнял меня за плечи. Я в упор уставилась на Гарика. Гарик был старшим и просто не имел права что-либо от меня скрывать.

– Гарик, что случилось? Я жду объяснений.

Гарик заметно нервничал. Уходя от ответа, он присел, чтобы завязать шнурок на ботинке.

– Я не люблю повторять! Что произошло?

– Чупа, понимаешь, здесь такое дело… – заметался он.

– Какое?

– Мы Фому обратно привезли. Он в моем джипе в багажнике лежит…

– Как это – привезли? Я же сама видела, как вы гроб в землю опускали…

– Брат его из Риги прилетел. Самолет задержался. Мы уже стали гроб закапывать, а тут он появился. Ты как раз только отъехала. Брат-то ведь все-таки родной, не чужой. Ты сама знаешь, что для него Фома как отец был. В общем, он настоял на том, чтобы мы гроб обратно наверх подняли. Он проститься с Фомой захотел.

– Как – проститься?

– В лоб поцеловать. В последний раз на него взглянуть. В общем, сама знаешь. Мы же не звери, решили: пусть брат с братом простится. Гроб подняли, открыли. А Лешка посмотрел на покойника, затем ему рубашку расстегнул, потом брюки и как заорет на все кладбище, что это не Фома.

– Он что, совсем идиот?! А кто же там тогда лежал?

Гарик посмотрел на меня глазами, полными ужаса. Затем потоптался на месте и тихо произнес:

– Чупа! Мы ему поверили. Это и в самом деле не Фома.

– Вы что, совсем спятили?!

Я развернулась, чтобы уйти, но тут увидела подъезжающий к моей даче «Опель».

– А вот он и сам едет… – пробурчал Гарик.

«Опель» остановился, и из него вышел Лешка, родной брат Фомы, мой одногодка. Мы не виделись пару лет.

Он жил в Риге и работал переводчиком в какой-то туристической фирме. С Фомой у него не было ничего общего. Честно говоря, я даже сомневалась в том, что они произведены на свет одной матерью. Уж больно разными казались братцы.

Лешка подошел ко мне и хотел было меня обнять, но я резко вскинула плечи, тем самым лишая его такой возможности.

– Ты чего себе позволяешь! Я твоего брата, то бишь собственного мужа, в землю положила, а ты, значит, вытащил! Какое право ты имеешь вести себя подобным образом?!

Лешка отпрянул и взволнованно проговорил:

– Это не мой брат, это какой-то посторонний умело загримированный мужик.

– Надо же! И с чего это ты решил?

– У моего брата в правом боку должен быть шрам от ножевого ранения. Его он получил в армии, и не заметить его невозможно. Под правой ягодицей есть еще один небольшой шрам. В семнадцать лет Фома очень сильно простыл. А когда он простывает, то всегда покрывается фурункулами. Так вот, под правой ягодицей у него вскочил громадный фурункул. Фома не придал этому особого значения. Фурункул стал еще больше, началось нагноение. Брат обратился в больницу только тогда, когда разнесло всю ягодицу. Пришлось делать операцию. Фурункул вырезали, и на этом месте образовалась небольшая впадина. И еще: у Фомы нет последнего зуба слева. Ему его удалили. Если ты мне не веришь, то можно поднять карточку у стоматолога. Ну вот, я назвал тебе все три отличительные черты и думаю, что этого достаточно. Не знаю, как там насчет зуба, но про шрамы тебе должно быть хорошо известно. Есть еще кое-что…

– Что же? – растерянно спросила я.

– Я с самого начала не поверил, что Фома умер. У меня с ним есть духовная связь, понимаешь?

– Нет.

– Когда ему плохо, я всегда это чувствую. Помнишь, как он два года назад разбился на машине? Так вот, я в ту ночь вообще не спал, у меня сердце болело так сильно, что жене пришлось «Скорую» вызывать. А тут умер… Не может этого быть, потому что я вообще ничего не почувствовал. Если бы он и в самом деле умер, меня бы инфаркт хватил.

– Это не аргумент, а твои выдумки. – Я перевела взгляд на Гарика и еле слышно произнесла:

– Где труп?

– У меня в багажнике.

– Неси сюда.

Гарик направился к машине, а Лешка, скрестив руки на груди, нахально буравил меня глазами.

Я старалась не смотреть в его сторону и не показывать свое крайне взвинченное состояние.

Гарик принес тело и положил его к моим ногам. Сердце неприятно заныло, захотелось заорать что есть силы.

Опустившись на колени, я принялась всматриваться в лицо покойника, стараясь не дотрагиваться до трупа.

Лешка сел рядом, расстегнул рубашку и откинул тело на бок. Затем провел рукой по тому месту, где должно быть ножевое ранение, и испуганно произнес:

– Видишь, ничего нет.

– Вижу… – прошептала я.

Лешка с силой надавил на труп. На его руках остались кусочки дорогой гримировальной краски. После этого он размазал краску по лицу, и тут окончательно стало ясно, что это не Фома.

– Ты прав. Это не Фома, – выдохнула я. Затем, сама не зная почему, возбужденно вскрикнула:

– Господи, а как же гости?

– Гости гуляют в ресторане. Можешь не переживать. Когда мы вытащили труп, то сказали, что это какое-то недоразумение и его надо свозить на повторную экспертизу в морг.

– Нужно немедленно все уладить. Гарик, слушай меня внимательно. Этого незнакомца срочно закопать в могилу Фомы и похоронить со всеми почестями. А я с Бульдогом поеду в ресторан и объявлю гостям, что произошла ошибка. Вне всякого сомнения, это тело Фомы, а брат ошибся. Досижу с гостями до самого конца. Нам не нужен скандал!

– Нет, Чупа. Так не пойдет. Мой брат жив. Не надо его живьем хоронить. Объясни гостям, что он жив, – вмешался Лешка.

– А это уже не твое дело! – разозлилась я. – Мне шумиха на нужна! Потом во всем разберемся.

Я перевела взгляд на Юльку и заметила едва уловимый ответный кивок. Юлька все поняла. Она вообще понимает все с полуслова, даже вообще без слов. Взяв Лешку за руку, она потащила его в беседку.

– Не переживай, Чупа, все улаживай, а мы с Лешиком шашлыков пока поедим.

– Я не хочу никаких шашлыков! – попытался было протестовать Лешка, но тут вмешался Бульдог. Своими огромными лапищами он приобнял Лешку за плечи и повел его в сторону от калитки. Почувствовав грубую хватку Бульдога, Лешка понял, что сопротивление бесполезно, опустил голову и послушно пошел туда, куда его повели.

Я с облегчением вздохнула и посмотрела на Гарика.

– Ну что, мы с ребятами поедем Фому хоронить… Вернее, не Фому, а этого незнакомого жмурика… – испуганно промямлил он.

– Фому, понял, Фому! – закричала я. – Езжай и закопай Фому обратно, откуда вытащил!

Гарик поднял с земли труп и пошел к машине. Остальные ребята двинулись за ним.

– Гарик! – окликнула я его.

Он остановился и преданно посмотрел мне в глаза.

– Ты кого пошел хоронить?

– Фому.

– Тогда иди. Захвати с собой двоих, а остальные поедут со мной на поминки.

Я села на заднее сиденье в одну из машин, и мы отправились в ресторан. Сидевший рядом со мной мордоворот нервно чесал свои громадные руки, не переставая повторять:

– Прямо мистика какая-то… Ужас… Ужас…

– Никакая не мистика, потом разберемся. Сейчас самое главное уладить все перед гостями.

Этот факт ни в коем случае нельзя обнародовать. Нам лишний скандал не нужен. Если уж Фома так сильно захотел, чтобы мы посчитали его умершим, – так выполним его последнее желание.

– Ты хочешь сказать, что он сам все придумал?

– В данный момент я ничего не хочу сказать. Меня больше всего волнует, чтобы все забылось и не всплыло в какой-нибудь бульварной прессе.

Мы приехали, и я молча вышла из машины. В ресторане взбудораженная публика рассказывала фантастические сплетни – одна хуже другой. При виде меня толпа заметно поутихла. Я встала во главе стола и громко произнесла:

– Дорогие мои! Прошу внимания! Дело в том, что произошла непростительная ошибка. Брат моего мужа очень тяжело переживал смерть Фомы, настолько тяжело, что временно потерял рассудок. Я думаю, его можно понять. Кто хоть раз хоронил близкого человека, наверняка сталкивался с похожими проблемами. Так вот: я пошла навстречу пожеланиям брата покойного мужа и отвезла тело обратно в морг. Как выяснилось, это оказалось совершенно ненужным. Патологоанатом подтвердил, что это тело принадлежит моему мужу. Мне жаль, что так произошло, но такова была воля брата покойного. В данный момент тело моего мужа, как и положено, предано земле. Прошу прощения у всех собравшихся за случившееся и предлагаю почтить память моего любимого покойного супруга.

На секунду приложив платочек к глазам, я подняла рюмку и выпила ее до дна. Люди встали и молча последовали моему примеру. Затем я села за стол и положила в свою тарелку пару ложек салата.

– А где сейчас находится брат Фомы? – спросил кто-то из зала.

– Он под наблюдением врачей. Ему надо немного отдохнуть – и он придет в норму.

Через полчаса ненужные мне разговоры поутихли. Гости с энтузиазмом принялись опустошать свои рюмки и тарелки. Некоторые так хорошо поднабрались, что вообще перестали понимать, по какому поводу закатили столь шикарный обед и почему отсутствует музыка. Еще через полчаса собравшиеся хором запели русские народные песни. Я поняла, что мне здесь больше нечего делать, и, пожелав всем хорошо отдохнуть, направилась к выходу. У двери меня ждал Бульдог.

– А ты как здесь очутился? – удивилась я.

– Я за тебя переживаю, Чупа, – засмеялся он.

– А что за меня переживать? Я что, маленькая, что ли?

– Нет. Просто ты женщина…

– Забудь, что я женщина! Ладно, раз уж ты здесь, то поехали на кладбище. Посмотрим, как моего суженого закопали.

Бульдог открыл дверь в машину, и я вытянулась на заднем сиденье.

– Тебе плохо, Чупа?

– Да нет. Просто голова трещит. А где пацаны?

– Не знаю. После того как на кладбище уехали, не появлялись.

– Понятно. Позвони Гарику и скажи, чтобы все старшие собрались у могилы Фомы. Все семеро.

– Может, на даче? А то что – у могилы?!

– Не спорь. Я так хочу. И вообще, мне совершенно неинтересно выслушивать твое мнение.

Бульдог надулся и принялся звонить по мобильному.

Закрыв глаза, я медленно массировала виски.

– Послушай, а где этот придурок? – неожиданно вспомнив о Лешике, спросила я у Бульдога.

– Какой?

– Да Лешик! На хрен ты его одного оставил?! Он же может сбежать и рассказать в любой газете, что мы не Фому похоронили!

– Да не волнуйся ты так! Я его наручниками к перилам беседки приковал. Я что, не соображаю, что ли, что он сбежать может! Сидит теперь как миленький и ждет твоего приезда. А Юлька там рядом шашлыки наяривает.

– Если этот придурок вздумает сбежать, то тут и Юлька не поможет.

– Да как он сбежит?! С перилами от беседки, что ли! – засмеялся Бульдог.

– Будем надеяться, что ты прав.

– Послушай, Чупа, что с ним дальше делать-то будем? Мне кажется, что придется мочить, чтобы языком не трепал.

– Посмотрим. Мочить тоже не хочется. Уж больно он перед сегодняшней публикой засветился. Дома жена, двое детей. Всем известно, что брата полетел хоронить. Для начала я хочу с ним побеседовать. Если, конечно, не убежит к тому моменту, когда мы приедем.

– Я же тебе сказал, что не убежит.

– Смотри. Головой отвечаешь.

Я опять закрыла глаза и продолжила массировать виски.

– Хочешь, я тебе сегодня массаж сделаю? Я все точки знаю. Головную боль как рукой снимет.

– Хорошо. Останавливай машину и перелезай ко мне. Сделай сейчас – мне с пацанами надо беседовать, а голова трещит, аж тяжко.

Бульдог остановил машину и перебрался на заднее сиденье. Положив мою голову к себе на колени, он стал делать массаж. Я расслабилась и полностью обмякла в его руках. Мне всегда льстило, что Бульдог ко мне неравнодушен. В нашем доме он появился довольно давно. Он телохранитель-профессионал высочайшего класса. Поговаривают, что он работал у многих воров в законе, охранял их и их семьи. Его услуги стоят очень дорого, но этих денег совсем не жалко – жизнь, как говорится, дороже.

Когда дела Фомы пошли в гору, он сумел заполучить Бульдога, предложив ему хорошее жалованье. Позже Бульдога неоднократно пытались переманить на сторону, но он все-таки остался в нашей семье. Мне казалось, что дело вовсе не в высоком окладе, – при желании Бульдог мог устроиться в другое место и получать еще больше.

Мне казалось, что дело во мне. Когда Фома перестал справляться с делами и все бразды правления перешли в мои руки, Бульдог почти всегда находился рядом со мной, и это мне льстило. Я не знаю, влюблен он в меня или нет, но то, что он меня хочет, это точно. А может, его чувства сильнее, – это мне, к сожалению, неизвестно.

– Бульдог, ты будешь у меня работать или уйдешь в другое место? – спросила я, млея под его обалденными руками.

– Ты что, меня увольняешь?

– Нет, конечно. Просто тебя Фома на работу принимал, а его больше нет.

– Мне казалось, что я уже давно работаю на тебя, а не на Фому.

– Значит, ты остаешься?

– Конечно.

– А до каких пор?

– Пока кто-нибудь не предложит мне зарплату побольше, – засмеялся он.

Я открыла глаза и внимательно посмотрела на него. А он довольно интересный мужчина. Сумасшедшие размеры тела, мужественное лицо, коротко подстриженные волосы. Я всегда предпочитала мужчин с большими формами. В штанах у него, наверное, тоже стоящее орудие! И еще: он всегда в костюме и белоснежной рубашке – такую аккуратность я всегда ценю в мужчинах.

– Бульдог, а правда, что ты телохранителем в президентской семье был?

– Вранье, – засмеялся он.

– Послушай, Бульдог – твое прозвище. А как тебя мама назвала? В паспорте у тебя какое имя написано?

– Макс. Но меня так уже давно никто не называет.

– Красивое имя. А почему тебя Бульдогом прозвали?

– Потому что я работаю телохранителем вот уже много лет. Хватка у меня крепкая, можно сказать, – бульдожья. Вот меня и прозвали Бульдогом. Это еще со времен войны.

– А ты был на войне?

– Да. Я в Афганистане служил.

Бульдог помассировал мне шею, а затем легонько провел по груди. Я дернула его руку.

– Нельзя.

– А я и сам не хочу.

– Почему? – удивилась я.

– Да потому что, когда работаешь, личные отношения запрещены. Это мое кредо. Я на тебя работаю и могу тобой только любоваться.

– А ты хоть раз отступал от своего принципа?

– Нет, – отрезал он и посмотрел на часы. – Надо ехать, а то уже пацаны ждут.

Бульдог сел за руль, и машина тронулась.

– А ты, кроме меня, когда-нибудь женщин охранял? – не унималась я.

– Конечно.

– А каких-нибудь известных?

– Певиц охранял. А вот главаря банды, – он посмотрел на меня в зеркало, – впервые. Мне даже интересно. Хотя ты от певиц ничем не отличаешься.

– Почему?

– Такая же капризная, как они. Все вы бабы одинаковые.

Я надула губки и стала смотреть в окно. Молчать не хотелось, и я снова пристала к Бульдогу:

– А ты в кого-нибудь из своих певиц влюблялся?

– Нет, и я не хочу это обсуждать. – Бульдог покраснел и с силой сжал руль.

Я поняла, что он совершенно не настроен на дальнейший разговор. Он, по-моему, вообще не любит обсуждать темы, касающиеся его личной жизни.

– Что надулся? Еще скажи, что больше не будешь на меня работать! – разозлилась я.

– Будешь приставать с дурацкими вопросами или капризничать – не буду! Я и так делаю то, что мне не положено. То играю роль шашлычника, то прислуги! Я должен охранять твое тело, и все!

– Послушай, Бульдог! Если тебе надоест на меня работать – я же не могу тебя просто так отпустить. Ты слишком много знаешь. Я ведь не певица какая-то, а с сегодняшнего дня – лидер одной из криминальных группировок Петербурга. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Я все хорошо понимаю. Только ты тоже отдавай отчет своим словам. Я, как депутат, личность неприкосновенная, усекла? Как профессионального телохранителя меня знают не только в Петербурге, но и в Москве, и Сочи. Я дружу с ворами в законе, поэтому не советую тебе так со мной разговаривать.

– Извини. Просто нервы разыгрались.

Вот ведь какой, отметила я про себя. Иногда кажется, что совсем ручной, а иногда становится таким колючим – не дотронешься!

– Ну тогда ответь на последний вопрос.

– Какой?

– Ты женат?

– Нет. При моей специальности это невозможно.

– А у тебя девушка есть?

– Это уже второй вопрос.

– Отвечай.

– Есть, конечно, а у кого их нет.

– Я имею в виду не тех, кого ты себе в баню заказываешь и на Невском снимаешь, а постоянную девушку.

– Есть, – улыбнулся он. – А тебе зачем?

– Интересно. Просто на меня работает человек, о котором я ничего не знаю.

– Странно. Раньше тебя это совершенно не интересовало.

– Может быть.

– Да, когда я свободен, то встречаюсь с девушкой. Она работает стриптизершей в ночном баре на Невском.

– Понятно. Она красивая?

– Чупа, я тебя не узнаю. Зачем тебе это?

– Я и сама не знаю. Просто хочется как-то время убить, пока до места доедем.

– Она очень красивая и совсем юная, ей всего двадцать лет. Я люблю ее трахать.

– Вот уж это необязательно было говорить. К чему такие подробности?!

– Ты меня спросила, а я ответил.

Я посмотрела на часы и постаралась привести мысли в порядок. Минут через пять мы подъехали к кладбищу.

У свежей могилы сидели семеро старших, курили и о чем-то оживленно беседовали. Я вышла из машины и присела рядом.

– Как дела, ребята?

– Все нормально. Закопали в лучшем виде.

– Молодцы. Ситуация сложилась крайне неприятная, и нам необходимо ее прояснить. Всем известно, что мы похоронили не Фому.

– Чупа, – перебил меня Гарик, – понимаешь, мы здесь всяко передумали: Фома вряд ли стал бы так шутить. Скорее всего, его кто-то украл и сделал так, чтобы все поверили в его смерть. Подожди, скоро позвонят и начнут выкуп просить.

– Нелогично. Когда крадут человека, то его смерть не имитируют. Нет смысла.

– Почему ты так думаешь? Может, хотят получить выкуп, а потом его и на самом деле пришьют.

– Вряд ли, – задумалась я. – Начнем с того, что я выгнала Фому и он пошел ночевать в гараж. Я хочу знать, кто первым его обнаружил?

– Я, – вышел вперед Гарик. – Мы договаривались поехать в Москву на стрелку к солнцевским. У него там были кое-какие вопросы по поводу сотрудничества. Приехал, смотрю – гараж открыт. Вернее, дверь была закрыта, но я услышал, что мотор работает. Короче, открыл я дверь, зашел – а он там спит за рулем. Я быстрее к нему – а он уже весь черный, угорел.

– Во сколько это было?

– В восемь утра.

– А ты уверен, что перед тобой был Фома?

– Да вроде Фома, а кто ж еще?! Он черный был, как негр, – ведь угарным газом отравился. Распух. Мы его с Вадиком в морг отвезли. В морге дали немного денег, чтобы его в божеский вид привели. Гримера наняли, а то он уж больно страшный был.

– Понятно. Меня интересует только один момент. В гараже был Фома или двойник?

– Вот этого я не знаю. Мы его не раздевали.

– Значит, так, Гарик, ты с Вадиком сейчас поедешь в морг, припрешь врача с санитаром к стене и узнаешь правду.

– Какую?

– Да какую угодно! Для начала спроси, был ли на теле шрам от старого ножевого ранения или нет. Узнай, кто-нибудь платил им за то, чтобы они поменяли трупы? Я хочу знать, умер Фома или нет.

– Я все понял, Чупа! Я все сделаю. Попытаюсь хоть что-нибудь прояснить.

– Не попытайся, а узнай. И еще: наведи справки, кто из охранников дежурил в ту ночь, и побеседуй с каждым отдельно. Может быть, кто-то из них заметил что-нибудь подозрительное, но не хочет нам об этом говорить. Не мне тебя учить, как сделать так, чтобы он заговорил. Заставь!

– Я все понял.

Я перевела взгляд на Глеба. Этот тоже был моим доверенным лицом, как и Гарик. Я знала, что всегда могу на него рассчитывать.

– Глеб, для тебя тоже есть дело.

– Какое? – обрадовался он.

– Возьми двух ребят и наведи ревизию в наших магазинах и ресторанах. Я думаю, ты знаешь, как это делается. Проверь все счета и банковские сейфы. Выясни, не снимал ли Фома оттуда деньги. Это на случай того, если мой муженек решил сбежать, прихватив с собой капитал. Наши счета открыты в пяти банках Петербурга и трех московских. Свяжись с каждым из них и получи интересующую меня информацию. И не забудь проверить наш общак. Подбей, сколько в нем денег, и доложи мне.

– Все будет сделано, Чупа.

– И еще: пошлите людей в Пулковский аэропорт и проверьте, не вылетел ли мой муж каким-нибудь рейсом за границу. Свяжитесь с Шереметьево. Может, он вылетел из Москвы. Короче: надо проверить все вокзалы и аэропорты как в Питере, так и в Москве.

– Чупа, если бы Фома захотел сбежать, то он полетел бы под чужой фамилией. Новый паспорт для него достать не проблема. Здесь мы не уследим.

– Это точно. Но чем черт не шутит. Все равно проверьте. Раздай ребятам его фотокарточки, и пусть они побеседуют с работниками аэропортов и вокзалов. Может быть, кто-то его вспомнит. Только осторожно, чтобы не навести панику.

– Чупа, а что делать с этим братишкой?

– С Лешиком?

– С ним.

– Подержим его пока на даче, а там видно будет. Приставь к нему охранника. Дома пока беспокоиться не будут – все-таки к брату на похороны улетел. Понятно, что не на один день.

– Отпускать его тоже нельзя. У него язык без костей. Можно устроить несчастный случай.

– Давай не будем торопить события. Сначала узнаем, что с Фомой. Как только будет что-то ясно – сразу связываемся и встречаемся у меня на даче.

– Чупа, я подготовлю всю информацию и с тобой свяжусь, – сказал Гарик. – Сегодня распределю среди пацанов – кому чем заняться. Вечером мы, как всегда, встречаемся в спортклубе и докладываем друг другу о том, что узнали. А потом я сразу еду к тебе.

– Только предварительно позвони. – Я похлопала Гарика по плечу.

– Добро. Ну ладно, тогда мы разъезжаемся.

– До встречи. – Я оперлась на руку Бульдога и направилась к машине.
– Тебе плохо, Чупа?
– Плохо. Что-то голова кружится. Поехали на городскую квартиру.
– Зачем?
– Я хочу проверить домашний сейф.

Глава 2

Дома я внимательно осмотрела все комнаты. Ничего подозрительного. На первый взгляд все на месте. Кажется, что Фома здесь уже давно не был. Открыв сейф, я с облегчением вздохнула. Ничего не тронуто. Все на своих местах… Странно, похоже, что Фома действительно умер.

Если бы он захотел сбежать, то обязательно прихватил бы с собой часть драгоценностей, лежащих в сейфе. Хотя кто знает. Не надо торопить события. Может быть, он снял деньги со счетов. Скоро я все узнаю.

Внезапно резко закружилась голова, и я прилегла на диван. Бульдог сел рядом.

– Дай мобильный. Или сам позвони моему доктору – пусть срочно приедет. Что-то мне совсем муторно.

Бульдог моментально набрал нужный номер, а я тем временем достала сигарету и нервно закурила.

– Чупа, ты бы хоть не курила. Скоро врач приедет, – сказал он дрогнувшим голосом.

– Только не надо мне указывать. Это просто нервы.

– Конечно. Такое пережить.

– Какое?! – разозлилась я.

– Фома, видишь, что учудил!

– Ты думаешь, он жив?

– Я в этом не уверен. Довольно запутанная история получается. Зачем ему от тебя сбегать?! Чего ему не хватало?!

– Значит, чего-то не хватало…

– Ну а если деньги со счетов не сняты? Все на месте? Что тогда?

– Не знаю, – вздохнула я. – Может, пацаны хоть что-то выяснят.

– Ты только давай не раскисай, а то что-то совсем бледная стала. Тебе надо отдохнуть и хорошо выспаться. Хочешь, завтра в Гатчину съездим, посмотрим дворец, парк…

– Я никогда там не была.

– В Гатчине очень хорошо. Тихо и прекрасная природа. Тебе нужно расслабиться. Поехали.

– Ты меня приглашаешь?

– Угадала, – засмеялся Бульдог.

– Мне кажется, что ты пытаешься за мной ухаживать.

– Ерунда. Я твой телохранитель и пытаюсь заботиться не только о твоем теле, но и о твоем здоровье. Отдохни всего лишь один день – и ты почувствуешь огромный прилив сил и энергии.

– Ну что ж, я не против. Так тебе нравится Гатчинский парк?

– Безумно.

– Ты, наверное, там часто бываешь со своей девушкой?

– Нет.

– Почему?

– Во-первых, я работаю на тебя. Это значит, что у меня слишком мало свободного времени. Во-вторых, моя девушка работает стриптизершей, и ее меньше всего интересуют царские дворцы.

– А что, стриптизерши не интересуются искусством?

– Почему, интересуются. Только я предпочитаю заниматься с ней сексом, нежели возить ее по дворцам.

Неожиданно в дверь позвонили. Я вздрогнула и посмотрела на Бульдога.

– Это врач, – сказал он, но, перед тем как открыть дверь, достал пистолет.

Это и в самом деле оказался врач. Наш семейный доктор, готовый примчаться ко мне в любое время дня и ночи. Этого пожилого мужичка когда-то нашел Фома и, как оказалось, не ошибся в выборе.

– Здравствуй, моя хорошая, – бодрым тенорочком пропел он. – Как твои дела? Что случилось?

– Голова разламывается. Наверное, давление.

– Немудрено. Такая нелепая смерть мужа, – горестно вздохнул дедуля.

Я посмотрела на Бульдога и кивком головы показала ему, чтобы он вышел в другую комнату.

Как только за Бульдогом закрылась дверь, я разделась и, приготовившись к медицинскому обследованию, чуть слышно сказала:

– У меня вот уже два месяца нет месячных.

Дедуля озадаченно посмотрел на меня и стал щупать живот.

– Вам не кажется, что вы беременны?

– Не думаю. У меня постоянно перебои с месячными. Это уже не в первый раз. Наверное, поэтому я и не бью тревоги.

– У вас матка увеличена. Боюсь, что вы все-таки беременны.

Я почувствовала, как меня бросило в жар.

– Вы уверены? – спросила я.

– Почти. Сейчас сделаем тест на беременность, чтобы у нас с вами не было никаких сомнений.

Пока готовился тест, я смотрела в потолок и кусала ногти. Мне до последнего не хотелось верить в то, что я и в самом деле залетела.

– Ну как? – с надеждой обратилась я к врачу.

– Мне остается вас только поздравить. Вы беременны. Боль утраты от потери любимого супруга возместит ваш ребенок. Это будет самая лучшая память о близком и родном человеке. Это ваша радость, ваша удача.

Я вытерла пот со лба и, задыхаясь, уточнила:

– Получается, что у меня где-то около двенадцати недель.

– Да, где-то так. В начале следующей недели мы с вами поедем и сдадим все анализы и, конечно же, сделаем УЗИ.

Дедуля ласково посмотрел на мой пока еще не округлившийся животик и слащавым голоском спросил:

– Вы кого хотите, мальчика или девочку?

– Аборт.

– Что? Я вас не совсем понял.

– Я хочу аборт. Что тут непонятного?

– Но вдруг у вас есть противопоказания? Мы же ведь даже не знаем, какой у вас срок! Я пока ничего не могу гарантировать…

– Я убью тебя, если ты ничего не сможешь мне гарантировать, – процедила я сквозь зубы, перейдя на «ты».

Дедуля опустил глаза и нервно затеребил бороду.

– На днях я приеду к вам, и вы поведете меня на аборт.

– Когда вас ждать, Лана Владимировна? – тихо спросил дедуля.

– Через день, – произнесла я задумчиво. – Завтра я хочу съездить погулять в Гатчину. Значит, послезавтра утром буду у вас. А вы за этот день подберите место, где лучше и безопаснее всего сделать аборт.

– Я могу идти?

– Да, пожалуйста.

– Только, ради бога, старайтесь избегать физических нагрузок, хотя в принципе это не имеет значения, вы же не хотите рожать. У меня дочь уже десять лет не может забеременеть, потому что когда-то, давным-давно, во времена бурной молодости, сделала аборт.

– Дорогой мой, отличие состоит в том, что ваша дочь сделала аборт во времена бурной молодости, а я его собираюсь делать в зрелом возрасте. Мне двадцать восемь лет, и я сама могу решить, что мне нужно делать, а что нет. Все, вы свободны.

Дедуля еще раз почесал свою бороду, покашлял и вышел из комнаты.

Бульдог проводил его и сел на край кровати.

– Ну что? – взволнованно спросил он.

– Помимо всех неприятностей навалилась еще одна.

– Какая?

– Я беременна.

– Как? – ошарашенно спросил Бульдог.

– Молча. Ты же сам говорил, что я женщина. Так вот, к твоему сведению, все женщины рано или поздно беременеют. Это случилось и со мной.

– А кто отец? – растерянно спросил он.

– Ясное дело, что не ты. Фома, кто же еще! Вот сволочь, преподнес подарок!

– Чупа, но вы же с ним спали в разных спальнях, да и отношения у вас были такие, что врагу не пожелаешь.

– Ой, и не говори! Но где-то около трех месяцев назад мне с ним пришлось переспать. И надо же было такому случиться, что именно после этого дурацкого случая я влипла. Фома напился, как свинья, приперся ночью, вот я и уступила. Честно говоря, у меня уже все из головы вылетело, и поэтому я особого внимания своему плохому самочувствию и не придавала.

– Во дела…

– Точно, – вздохнула я. – Послезавтра – аборт. Ладно, время не терпит. Надо ехать, а то там Юлька одна с этим придурком сидит. Если, конечно, он не убежал…

– Я же тебе сказал, что он на месте.

Я встала и медленно подошла к зеркалу.

– Красивая, – улыбнулся Бульдог. – Послушай, а как тебя зовут?

– Чупа, – удивилась я.

– Нет. Это твое прозвище. А как тебя родители в детстве назвали? Ну, по паспорту как?

– Лана.

– Красивое имя.

– Зачем тебе? По-моему, это тебя раньше нисколько не интересовало.

– Теперь заинтересовало.

– Да? Ты меня заинтриговал. Скажи, зачем это тебе надо?

– Так просто, время убить, пока ты будешь собираться.

Нахмурившись, я направилась к выходу.

До дачи мы ехали молча. Я и сама не знала, о чем мне думать: то ли о Фоме, то ли о своей беременности, то ли о Юльке с Лешкой. В голове полнейший бардак. Нет, расклеиваться нельзя, надо взять себя в руки. Никто не должен видеть меня подавленной, даже Бульдог. Эти ребята уже давно не видят во мне женщину. Для них я лидер и мозговой центр группировки. Какой мужик захочет, чтобы им управляла женщина? Да никакой! Так же и они.

Если я буду носить ребенка и ходить с пузом, то тогда мне не удержать власть. Я моментально потеряю лидерство и стану обычной бабой на сносях.

– Чупа, приехали.

Я открыла глаза и увидела, что мы уже стоим у ворот дачи.

– Тебе помочь выйти из машины?

Я почувствовала, как покрываюсь пятнами.

– Зачем?! Я превосходно себя чувствую!

– Но ведь тебе же было плохо.

– Забудь об этом! Я не курица-наседка! Мне никогда не бывает плохо.

– Но ведь ты все-таки женщина, – не унимался Бульдог.

– В последний раз повторяю: забудь о том, что я женщина! Забудь, и все!

Бульдог сморщился, закрыл машину и поплелся к дому.

– Если ты телохранитель, то, значит, должен охранять мое тело. Верно?

– Верно, – буркнул Бульдог и пропустил меня вперед.

– Ты обиделся?

– Я уже не в том возрасте, чтобы обижаться.

– Странно.

– Что тебе странно?

– Мне казалось, что обижаться можно в любом возрасте.

Мы подошли к беседке и не смогли удержать смеха от увиденного. Полупьяная Юлька, состроив умильное лицо, кормила в умат пьяного Лешика, прикованного наручниками к перилам, давно остывшими шашлыками.

– Это за маму, а это за папу. И за Фому, засранца такого, который даже умереть по-человечески не может, тоже надо скушать.

Лешик жадно поедал нежнейшие кусочки мяса и пил виски из Юлиных рук.

Я вытерла выступившие от смеха слезы и подошла к беседке.

– Ну наконец-то, – вздохнула Юлька. – А то он меня уже здесь запарил, напился как скотина! Вылитый братик!

Лешик поднял голову и посмотрел на меня укоризненным взглядом.

– Хорошо же ты, Чупа, родственничков встречаешь!

– Да в гробу я таких родственничков видала! – разозлилась я. – Какого черта тебя принесло! Только шума лишнего наделал!

– Может, хоть наручники снимешь?

– Не сниму! Будешь в наручниках сидеть, пока ума не наберешься.

Лешик сузил глаза и злобно процедил:

– Ты что с моим братом сделала?! Куда ты его дела?! Я давно знал, что ты все к своим рукам прибрать хочешь! Ты уже давно его на тот свет выпроваживала! Подожди, если Фома жив, он этого так не оставит! Он тебе покажет, как живых хоронить!

– Заткнись, придурок! А то до Риги не доедешь!

Подозвав охранника, я сурово сказала:

– Закрой его в подвале, чтобы глаза не мозолил. Пусть там отоспится, да не забудь поставить к дверям человека – за ним присматривать нужно.

Охранник подошел к Лешику и расстегнул один наручник.

– Я никуда не пойду! – заорал Лешик.

– Куда ты денешься, – вздохнула я и посмотрела ему вслед.

– Я с тобой еще разберусь! – донеслось из подвального помещения.

– Ты зачем его так напоила? – улыбнувшись, спросила я Юльку.

– Да он, кажется, и сам был не против. Ладно, бог с ним. Ты лучше расскажи, как у тебя дела?

– Фому похоронили, вернее, не Фому, а этого неизвестного мужика. Гостей успокоили. Послушай, Юлька, пойдем в дом, посидим, разожжем камин. Мне хочется на огонь посмотреть.

– Пошли, – обрадовалась Юлька. Затем она внимательно посмотрела на меня и тихо спросила:

– Что-нибудь случилось?

– Пошли в дом, там поговорим.

Обернувшись, я поискала глазами Бульдога.

– Бульдог, растопи нам камин.

Бульдог курил сигарету и разговаривал с кем-то по мобильному.

– Бульдог, растопи нам камин, – повторила я громче.

Бульдог убрал трубку от уха и удивленно уставился на меня.

– Я здесь печником не работаю, – отрезал он.

– Что это с ним? – удивилась Юлька.

– Не знаю. Наверное, стриптизерше своей звонит.

Я подозвала охранника и попросила его растопить камин. Когда дрова разгорелись как следует, мы сели напротив и стали смотреть на огонь.

– Что ты хочешь выпить? – поинтересовалась Юлька.

– Не знаю. Что-нибудь покрепче.

– Тогда давай текилу.

– Пойдет.

Юлька разлила текилу по бокалам и в упор спросила:

– Чупа, я слишком хорошо тебя знаю. Что случилось?

– Я беременна.

– Как? – Юлька выпучила глаза и открыла рот.

– Молча. Беременна, и все.

– От кого?

– Ты спрашиваешь то же самое, что и Бульдог. От Фомы, конечно, от кого же еще?

– Но ведь вы уже сто лет вместе не спали!

– Как видишь, бывало.

– И какой срок?

– Почти три месяца. Я сегодня вызывала врача. Чувствую, что-то со мной не так. Плохо мне, понимаешь?

Юлька с минуту помолчала, затем растянула рот до самых ушей и радостно закричала:

– Поздравляю! Ты даже не представляешь, как я рада!

– Ты серьезно?

– Конечно! Я просто счастлива. Чупа, я хочу девочку!

– Ты что, дура? Я послезавтра иду на аборт.

– Почему? – сникла Юлька.

– Потому что мне сейчас ребенок не нужен! Я только-только почувствовала власть и терять ее не собираюсь!

– Да, но ребенок тебе совсем не помешает. Он только утвердит твою власть. В конце концов, это же твоя маленькая частица, твоя кровинка.

– Ага! Что-то ты свою кровинку не рожаешь. А как от Витьки забеременела, так сразу на аборт побежала…

– Во-первых, я на пять лет тебя моложе. А во-вторых, я об этом очень даже сильно жалею. Может, я и хочу теперь забеременеть, да не получается…

– А я не хочу рожать ребенка без отца.

– Ты еще выйдешь замуж, и у твоего ребенка обязательно будет отец.

– Вот я и не хочу, чтобы моего ребенка воспитывал отчим. Знаешь, какое самое сильное воспоминание моего детства?

– Какое?

– Как ко мне приставал мой отчим. Он делал это постоянно, когда мать была на работе.

– А она что, ни о чем не догадывалась?

– Представь себе – нет. Даже если бы я ей это сказала, она бы мне все равно не поверила. Она мне вообще никогда не верила. Знаешь, как это страшно, когда человек, который тебя растит, лезет к тебе в трусы.

Юлька молча смотрела на огонь, а затем еле слышно произнесла:

– Да, ты права, надо делать аборт. Фома давно уже скурился и снюхался. Какой с него генофонд! А деток ты еще заведешь. Ты у нас чертовски красивая.

Я смахнула слезу и тихо сказала:

– Конечно. Придет время – и я обязательно рожу девочку. Рожу и назову ее самым красивым именем на свете.

– Каким?

– Лолита.

– Здорово, – улыбнулась Юлька, – и в самом деле красивое имя. Не плачь, Чупа, я понимаю, как тебе тяжело. Но я нисколько не сомневаюсь в том, что ты и в самом деле встретишь свою любовь и родишь самую красивую девочку на свете с самым красивым именем. Надо только немного подождать.

– Юлька, а если со мной что-нибудь случится, ты будешь о ней заботиться?

– Что ты несешь?!

– Ну скажи, будешь?

– Конечно, буду. Только ты сначала ее роди. В данный момент мне необходимо заботиться о тебе.

Юлька вытерла мои слезы и твердо произнесла:

– Вот что, дорогая, тебе надо сделать аборт прямо сейчас.

– Почему именно сейчас?

– Потому что ожидание – это самое худшее и тяжкое из чувств. За завтрашний день ты себя просто изведешь, и все. Нельзя рожать от алкоголика и наркомана. И как я сразу об этом не подумала?! Будут у тебя еще детки. Встретишь ты достойного человека и родишь самую красивую девочку на свете и имя ей дашь какое захочешь!

– Правда? – Я с надеждой посмотрела на Юльку.

– Глупенькая! Конечно, правда.

Я позвонила своему врачу и сообщила ему, что хочу сделать аборт сию минуту. Дедуля сказал, чтобы я подъезжала в гинекологию. Юлька налила мне полный бокал текилы. Я выпила его до дна и почувствовала, как все поплыло перед глазами.

– Это как обезболивающее, – пояснила подруга.

Мы вышли на улицу. Бульдог сидел недалеко от машины.

– Ты куда? – поинтересовался он.

– На аборт.

– Прямо сейчас?

– Да, и чем быстрее – тем лучше.

Бульдог сел за руль, и мы поехали в город.

В больнице нас встретил дедуля. Он дал мне сменную одежду и велел идти следом за ним. Я окинула Юльку и Бульдога грустным взглядом и вошла в кабинет. Когда все закончилось, низ живота противно ныл. Выдавив из себя улыбку, я спросила у доктора:

– Неужели все?

– Все, и все прошло хорошо. Без осложнений. Нужно только немного полежать.

Я легла на кушетку и закрыла глаза. Врач вышел. Минут через пять в комнату вошел Бульдог. Он сел на корточки и взял меня за руку.

– Ну что, живая?

– Живая.

– Как все прошло?

– Слава богу, нормально. А где Юлька?

– В машине по телефону трещит уже целый час.

– Помоги мне встать, и поехали.

– Нет. Тебе надо немного полежать.

– Поехали. Ненавижу больничные палаты.

– Тогда я возьму тебя на руки и донесу до машины. Ты слишком слаба.

– Ладно. Только помоги мне одеться.

Я приказала Бульдогу отвернуться и сняла белую больничную ночнушку, затем натянула платье. Бульдог наклонился и помог мне обуться. После этого он взял меня на руки и понес, словно пушинку, к машине.

– Ну как, подруга, живая? – участливо спросила Юлька.

– Живая, – улыбнулась я. – А ты с кем трещишь не умолкая?

– Со своим ненаглядным.

– Он, наверное, рвет и мечет, что ты осталась у меня ночевать…

– А куда ему деваться! Ты лучше скажи, как все прошло?

– Нормально. Говорят, без осложнений.

– Ну и чудненько. А чувствуешь ты себя как?

– Средней паршивости.

– Ничего. Завтра будет полегче.

Вернувшись на дачу, я с удовольствием вытянулась на мягком кожаном диване, а Юлька устроилась рядом.

– Знаешь, мне всегда казалось, что кожаные диваны должны быть грубыми и холодными, а они, наоборот, мягкие и теплые.

Юлька провела рукой по моей голове и нежно прошептала:

– Вот и все, Чупа. Вот и все.

– Еще бы знать, куда подевался этот придурок Фома. Что за шутку он решил со мной сыграть?!

– Я думаю, что мальчики хоть что-то должны выяснить.

– Я тоже на это надеюсь.

На следующее утро Юлька поехала домой, а я, прислушавшись к совету Бульдога, решила отдохнуть.

Приехав в Гатчину, мы с ним купили небольшой арбуз и съели его, не выходя из машины.

– Как ты провела ночь? – поинтересовался Бульдог.

– Послушай, ты больше похож на врача, а не на телохранителя. Нормально. Как я могу ее еще провести?!

Доев арбуз, мы подъехали к дворцу. Огромное здание серого цвета отличалось от других дворцов своей приглушенной простотой и изысканностью. Когда я стояла на дворцовой площади, мне казалось, что еще чуть-чуть – и начнется сказочный рыцарский турнир, заиграет старинная музыка.

– Нравится? – спросил Бульдог.

– Еще бы, – вздохнула я.

Расстелив покрывало, мы прилегли на травке и уставились друг на друга.

– Ты попроще не мог одеться? – улыбнулась я.

– Как это – попроще?

– Лежишь в таком дорогом костюме на траве.

– Я лежу не на траве, а на покрывале. Ты, наверное, заметила, что я всегда хожу только в костюмах.

– Заметила. Именно поэтому ты мне и нравишься.

– Надо же, а я и не знал, что удостоен чести нравиться тебе.

– Ну хотя бы пиджак сними, жарко ведь, – не унималась я.

– Не хочу, я же на работе. Знаешь что, давай я принесу мороженое?

– Тащи, – обрадовалась я.

Через пять минут Бульдог принес эскимо в блестящих обертках. Я сняла туфли, задрала юбку повыше и принялась с наслаждением есть мороженое.

– Чупа, я сегодня не останусь ночевать. Вернусь завтра к вечеру. Мне нужен выходной.

– Что-нибудь случилось?

– Да нет. Просто нужен, и все.

– Хочешь увидеться со своей стриптизершей?

– Да, у нее там какие-то неприятности.

– Конечно. А ты когда уедешь?

– Как только доставлю тебя домой. Я думаю, ты будешь вести себя хорошо и дождешься меня без всяких происшествий.

– Вот еще! – фыркнула я. – Нужен ты мне больно. У меня охранников полный дом. Можешь хоть два дня гулять!

– Чупа, я не гуляю, а беру выходной. Когда я нанимался на работу, то подписывал контракт, где черным по белому написано, что раз в неделю мне положен выходной. Я же не могу работать без выходных.

– Я ничего не имею против, пожалуйста.

Бульдог посмотрел на часы и улыбнулся:

– Ну что, можно идти.

– Давай еще чуть-чуть поваляемся, здесь так здорово.

– Я, конечно, не врач, но немного анатомию знаю. Мне кажется, что после аборта нельзя находиться на солнышке. У тебя же сейчас кровотечение может начаться в любой момент.

– И все-то ты знаешь, – вздохнула я. – Наверное, твоя девушка делала аборт?

– Нет. Она предохраняется таблетками.

– Подожди. Вот забеременеет и заставит тебя жениться.

– Чупа, меня никогда и никто не может заставить что-либо сделать. Я свободный человек, понимаешь?!

– Ладно. Не заводись.

Я достала свою косметичку. Привела в порядок губы и припудрила носик.

Положив косметичку в сумку, я не смогла сдержать улыбки.

– Ты что? – удивился Бульдог.

– Да ничего. Просто было время, когда у меня в сумочке лежали только губная помада и тюбик туши, а сейчас – газовый пистолет, электрошокер, мобильный и сканер. Это тебе дозволено настоящий пистолет носить, ты же в охранном агентстве числишься, а мне нежелательно.

– Чупа, а зачем тебе сканер?

– О, это моя самая любимая вещица. При помощи сканера я прослушиваю чужие сотовые телефоны, выхожу на милицейские волны. Это очень интересно, особенно когда настроение скверное.

– Получается, что сотовая связь совсем не защищена?

– Не знаю, но тем не менее у меня есть возможность ее прослушивать. Эта игрушка не всем коммерсам по карману и нигде не продается. Я прослушиваю своих пацанов, тех, кто работает под моей крышей в сети ресторанов и магазинов, ну и, конечно, разговоры ребят из других криминальных группировок. Я в курсе всех событий, понимаешь, всех.

– А как это делается?

– Очень просто. У каждого сотового телефона есть своя частота. Ее надо только знать. Так вот, я настраиваю свой сканер на нужную частоту и жду звонков.

– А как ты узнаешь, какая частота у интересующего тебя телефона? Вон, видишь, мужик пошел с сотовым. Можешь его прослушать?

– Запросто. У меня есть маленький приборчик для выявления частоты – только нужно подойти поближе.

Незнакомец с сотовым сел неподалеку от нас. Я подошла к нему и попросила зажигалку. Мужчина приветливо улыбнулся и с удовольствием протянул мне «Зиппо». Я прикурила, не выпуская из рук небольшой приборчик, напоминающий маленькую черную спичечную коробочку. Затем, отдав ему зажигалку, я направилась к Бульдогу.

– Вот тебе и частота высветилась. – Мне осталось только навести сканер на нужную частоту, и мы отчетливо услышали чужой разговор.

– Коммерс какой-то. – Я отключила сканер и строго посмотрела на Бульдога: – Только это наша с тобой маленькая тайна. Я не хочу, чтобы кто-то из моих пацанов про это знал.

– Само собой. Значит, ты и мой телефон прослушиваешь?

– Бывает. Когда делать нечего. Вот только не успела прослушать, куда это ты в выходной намылился, – засмеялась я.

Бульдог помог мне встать, и мы отправились во дворец. Мой телохранитель с удовольствием ходил из зала в зал, слушая экскурсовода, а я плелась сзади и думала о Фоме. Сегодня должен приехать Гарик и прояснить ситуацию. Я молила бога только об одном – хоть бы Фома был мертв.

– Тебе неинтересно?

Я опомнилась и посмотрела на Бульдога.

– Почему, интересно.

– А мне кажется, что мысленно ты не здесь, а совсем в другом месте.

– Глупости. Мне вон та вазочка нравится. – Я показала на большую, украшенную разноцветными камнями вазу, стоящую в углу. – Я бы ее с удовольствием купила.

– Губа не дура, – улыбнулся Бульдог. – Есть вещи, которые не продаются. Они бесценны.

– Ерунда. Ничего бесценного не бывает. У каждой вещи есть своя цена. Просто что-то стоит дороже, а что-то дешевле.

– Ты хочешь сказать, что все на свете можно купить?

– Конечно. Если имеешь деньги и тебя устраивает цена.

– Получается, что тебя тоже можно купить? – Бульдог сузил глаза и подозрительно посмотрел на меня.

– Можно. Только у тебя денег не хватит.

– А у Фомы, значит, хватило.

– В то время, когда меня покупал Фома, я еще не была такой дорогой, как сейчас. Теперь он бы тоже не потянул.

– Чупа, а зачем тебе много денег? У тебя есть предел?

– Нет, предела нет. Деньги – это власть, безопасность и самоутверждение. Деньги мне помогают жить так, как я хочу, и делать то, что я хочу.

Когда мы спустились вниз и сели на лавочку, чтобы снять бахилы, Бульдог слегка приобнял меня и сказал:

– Знаешь, что думают про нас окружающие?

– Что?

– Что мы любящая, интеллигентная семейная пара.

Никто даже и представить себе не может, что ты бандерша, а я – твой телохранитель.

– Скажешь тоже – бандерша. Мне совсем не нравится это слово.

– А как ты хочешь, чтобы я тебя называл? – улыбнулся Бульдог.

– Королевой.

– Вот еще. Я тебе, между прочим, не слуга…

– В стародавние времена у королев были не только слуги, но и телохранители.

– Ладно, пошли, королева без короны.

– Куда?

– Сейчас будет еще одна экскурсия. В грот.

– В подземелье?

– Хочешь там побывать?

– Спрашиваешь! Конечно, хочу.

Когда собралась группа примерно около тридцати человек, мы спустились в грот и стали внимательно слушать рассказ экскурсовода. Оказывается, в этом подземелье наши цари играли в прятки. Если спуститься еще глубже, то можно попасть в длинный темный туннель, пройти по нему и выйти прямо к озеру. Бульдог держал меня за руку и слушал рассказ о царских утехах, открыв рот. В подземелье было достаточно холодно и сыро, и я почувствовала, что меня начинает лихорадить. Меня бросало то в жар, то в холод, и было настолько мерзко и гадко на душе, что в самую пору выть волком. Я всматривалась в лица туристов и не могла избавиться от ощущения, что кто-то из них сверлит меня взглядом. От этого взгляда у меня тряслись руки и учащенно билось сердце. Наверное, именно так предчувствуют беду. Я всматривалась в толпу и не могла понять, кто именно заставляет меня нервничать. Расстегнув верхние пуговицы на платье, я достала платок и вытерла шею.

– Зачем ты расстегнулась? Здесь так холодно, – сжал мою руку Бульдог.

– Не знаю. Мне жарко.

– Ты можешь простыть.

– Прекрати. Ты же знаешь, что я не люблю, когда ты меня чересчур опекаешь.

– А теперь давайте пройдем в туннель, – долетел до меня голос экскурсовода. – В этом туннеле живет эхо. Если мы громко крикнем, то эхо ответит нам на другом конце. Впрочем, сейчас вы сами убедитесь в этом и прочувствуете то, что чувствовали наши цари. Для того чтобы вы полностью смогли ощутить колорит того времени, мне придется выключить свет. Не пугайтесь. Когда вы дойдете до противоположного конца, свет включится.

Туристы дружно засмеялись и стали звать эхо. Неожиданно свет отключился – и наступила кромешная темнота. Все взялись за руки и на ощупь пошли вперед.

Бульдог на секунду задержал меня, положил руки мне на пояс и жадно поцеловал. Это меня так увлекло, что я ответила взаимностью. Мы слились с ним в едином поцелуе. Затем я оттолкнула его и тихо сказала:

– Надо идти. Все уже ушли.

– Извини. Пойдем, – сказал Бульдог и взял меня за руку.

В туннеле было настолько темно, что я совершенно не видела лица Бульдога, а только слышала его дыхание. Тем не менее временами мне казалось, что рядом находится кто-то еще. Этот кто-то преследовал нас по пятам. «Ерунда! – пыталась успокоить я себя. – Наверное, кто-то тоже отстал, нечего забивать голову пустяками». Но все-таки мне было так страшно, что инстинктивно я прижалась к Бульдогу и крепко сжала его руку.

– Ты что?

– Не знаю. Что-то муторно мне.

Не успела я договорить последние слова, как вдруг почувствовала, что тело мое парализовала адская, невыносимая боль. Краешком ускользающего сознания я поняла, что в меня выстрелили. По всей вероятности, это был пистолет с глушителем, так как я услышала только легкий щелчок…

– За что?.. – выдавила я из себя.

Хотелось плакать от бессилия. Я не могла больше стоять на ногах. Странное и страшное чувство – когда не можешь себе помочь и вообще ничего не можешь сделать… Что-то творилось со мной, с моей душой, с моим сердцем, с моими мыслями, но нужно собраться с силами

и стоять, чтобы не упасть… Подумав об этом, я покачнулась и упала… Где-то там, далеко, как будто в другом мире, я слышала голос Бульдога: «Свет! Срочно включите свет!!!» И вдруг действительно стало светло, и я даже услышала голоса сбежавшихся людей, а потом их голоса становились все глуше и глуше. Наступил момент, когда они исчезли совсем…

Глава 3

Я лежала в палате и временами приходила в сознание.

Люди в белых халатах бегали вокруг меня, что-то говорили, а иногда пропадали совсем. Я напрягала глаза, чтобы увидеть их опять, но бесполезно. Вокруг кромешная темнота и какой-то длинный туннель, совсем как в Гатчинском дворце. Я пыталась идти по нему и постоянно хотела нащупать руку Бульдога, но его руки нигде не было. Я чувствовала сумасшедшую легкость, тело казалось невесомым, пьянящее великолепие происходящего захлестнуло меня. Мне хотелось побыстрее добежать к свету, вдохнуть глоток свежего воздуха, широко раскинуть руки и ноги и полететь.

Неожиданно туннель исчез, и я снова увидела людей в белых халатах. От яркого света висящих надо мной ламп глаза заслезились, и я зажмурилась.

– Будет жить, – уверенно сказал человек в марлевой повязке на лице, снял колпак и вытер пот со лба.

– Я хочу обратно. Здесь слишком светло, – прошептала я еле слышно и провела языком по пересохшим потрескавшимся губам.

– Нет уж. Обратно дороги нет. Живи и радуйся жизни, – улыбнулся мой спаситель.

– Обратно всегда успеешь, – добавил второй.

– Пошли вы все к черту! – пробурчала я и закрыла глаза.

– Ожила! – засмеялись люди в операционной. – Тебе жить нужно. Там полный коридор твоих орлов. Все ждут результат…

– И они пошли к черту!

Я попыталась вернуться в тот туннель, но так больше его и не нашла. Что ж, значит, не судьба. Закрыв глаза, я крепко уснула. Мне приснился дивный сон: будто я лежу на поляне, а рядом со мной Бульдог. Мы едим мороженое и болтаем о всяких пустяках.

Не знаю, сколько времени я проспала, но когда очнулась, то увидела Юльку. Она сидела рядом и смотрела в окно. Ее лицо было неестественно бледным, глаза покраснели. Наверное, это от слез. Почувствовав мой взгляд, она опустилась на колени и громко зарыдала.

– Прекрати, – прошептала я.

Юлька успокоилась, вытерла платком слезы и улыбнулась.

– Ну наконец-то, а то смотреть противно. Ты бы видела свое отражение в зеркале…

– Да бог с ним, с отражением. Главное, что ты жива, – смахнула слезу Юлька.

Я смотрела на Юльку и улыбалась. Как здорово, что она у меня есть. Не каждому бог может послать такую преданную и искреннюю подругу. Юлька обладает удивительной способностью – она никогда не разделяет людей на хороших и плохих. Даже в самом отъявленном негодяе она старается найти положительные черты. Иногда мне кажется, что она смогла бы полюбить какого-нибудь маньяка, предварительно поискав в нем определенные достоинства. Она немного с чудинкой, ее часто раздирают сумасшедшие страсти и эмоции. Такие долго в девках не ходят. Приехав в Петербург, она моментально вышла замуж за сына одного известного политического деятеля.

Через год этот политический деятель трагически погиб.

Мать мужа, еще не старая, ухоженная женщина, имеющая прекрасные связи в мэрии и работающая там же, вышла замуж за мужчину, который был всего лишь на пять лет старше Юльки и Юлькиного мужа. Проще говоря, нашла себе молоденького. С этого момента в их некогда дружной семейке начались не самые лучшие времена. Юлька влюбилась в своего свекра, а он в нее, и у них начался тайный роман, который не закончился до сих пор. Вот уже года два она варится в этой каше, разрываясь между свекром и мужем, мотивируя тем, что ее муж очень красивый, страстный, но слишком горячий и безрассудный, а свекор, наоборот, спокой-

ный, рассудительный и заботливый. Мужчины прекрасно дополняют друг друга, и к кому ее тянет больше, она пока не решила. Я всегда боялась, что их тайный роман вылезет наружу – и тогда им обоим будет несдобровать.

– Ты давно здесь сидишь?

– Уже два дня.

– Да ты с ума сошла! Твой муженек, наверное, рвет и мечет.

– Они оба обеспокоены моим отсутствием. Знаешь, они мне уже осточертели…

– Перебирайся ко мне и найди себе третьего. Он разрешит все твои проблемы.

– Наверное, в скором времени я так и сделаю, а то моя жизнь превращается в сплошной маразм. В последнее время я как-то ближе сошлась со своим свекром. Мы оба из Хабаровска и прекрасно друг друга понимаем. И он, и я удачно устроили свой брак. Он нашел старую тетку и живет на всем готовеньком, а я – молодого пацана и тоже, надо сказать, неплохо устроилась. Но все это не дает мне покоя, я об этом только в книжках читала, а здесь в жизни… Мне противно все это. Когда никого нет дома, мы занимаемся любовью со свекром. В душе я понимаю, что это грех, что так не должно быть… Недавно мы лежим раздетые, я положила голову к нему на плечо и говорю: «Представляешь, что было бы, если бы в таком виде нас с тобой застукали твоя жена и мой муж?!» А он смеется и отвечает: «Они выгонят нас обратно в Хабаровск». Иногда мне кажется, что я скоро поеду головой от всего этого.

– Я предложила тебе прекрасный вариант. Бросай обоих, ищи третьего.

Юлька взволнованно на меня посмотрела и тихо спросила:

– Чупа, кто тебя?

– Понятия не имею. Там, в туннеле, была такая темень, хоть глаз выткни. А что пацаны говорят?

– Давай я к тебе Бульдога позову, он все расскажет.

– А где он?

– За дверью сидит, как преданный пес. Где ж ему еще быть. Он же недоглядел. Хреново тебя охранял. У тебя под дверью четыре охранника сидят, чтобы никто посторонний в палату не зашел. Ладно, я зову Бульдога, а сама приду чуть позже.

– Зови, – улыбнулась я.

Дверь открылась, и в комнату вошел Бульдог. Он был небритый, бледный, весь какой-то помятый и выглядел не самым лучшим образом.

– Привет, – хрипло сказал он и сел на край кровати.

– Неважно выглядишь, наверное, плохо отдохнул.

– Да какой тут может быть выходной, если я впервые в жизни не справился со своей работой. Это все оттого, что я тебя поцеловал. Нельзя путать личные отношения и рабочие. Я расслабился, понимаешь, размяк и забылся. Вот тебе и результат. Даже опасности никакой не почуял и выстрела не слышал, как лох последний!

– Нашли, кто стрелял?

– Да пока в этом туннеле свет включили, пока я тебя к выходу поволок, пока реанимацию вызывал… Короче, мне не до убийцы было, а когда тебя увезли, то убийцы и след простыл.

– Понятное дело, – вздохнула я.

– Он через выход к озеру убежал. Под туриста косил. Видимо, хорошо знал этот туннель. Угораздило же меня тебя туда потащить!

– Мне понравился этот туннель, – улыбнулась я. – А еще больше мне понравилось, как ты меня целовал.

– Извини. Я не сдержался.

– Поцелуй меня еще так же.

– Что?!

– Поцелуй меня еще разочек, пожалуйста.

– Я не могу. Я на работе. Мне не положено.

– Я прошу тебя.

Бульдог наклонился и страстно поцеловал меня в губы, затем поднял голову и нервно посмотрел в окно.

– Почему ты нервничаешь? Тебе было неприятно?

– Скажешь тоже. Разве с тобой может быть неприятно. Просто я не представляю, как мне работать на тебя дальше…

– Почему?

– Я слишком ценю свой авторитет и профессионализм, понимаешь. Я не справился со своей работой. Из-за меня ты чуть не погибла. Работа и чувства так сильно перемешались, что я перестал отдавать себе отчет и стал совсем невнимательным.

– Ерунда. Ты не виноват, это дело случая.

– В моей практике еще не было таких случаев.

– Будем надеяться, что их больше не будет. И при чем тут чувства? Мы же с тобой не трахаемся, в конце концов.

– Тебе нельзя, ты же после аборта, – пробурчал Бульдог.

– Что?! Ты хочешь сказать, что, не будь аборта, я бы уже раздвинула под тобой ноги? Да как ты посмел!

Я хотела запустить в Бульдога подушкой, но не смогла поднять руку.

– Чупа, успокойся. Я пошутил.

– Ничего себе шуточки!

– Я не могу больше на тебя работать.

– Почему?

– Во-первых, я уже опустился в твоих глазах и больше не имею права называться профессиональным телохранителем. А во-вторых, я перемешал работу с чувствами. Уволь меня сама – так будет лучше.

– Ах вот, значит, как ты уходишь от своих работодателей. В певиц ты, наверное, тоже влюблялся?

– Нет.

– С трудом верится. Меня могут убить, а ты бросаешь меня в трудную минуту. Уходи, я больше не хочу тебя видеть!

– Ну, Чупа!

– Пошел вон!

Бульдог печально посмотрел на меня и вышел из палаты.

Через секунду дверь распахнулась – и на пороге появился Гарик. Он выглядел получше предыдущих посетителей и держал в руках прекрасный букет желтых роз.

– А почему именно желтые?

– Что – желтые? – не понял он.

– Почему розы желтые?

– Не знаю. Мне кажется, что они самые красивые.

– Ты прав. В этом что-то есть. Поставь их в вазу.

Гарик поставил букет в вазу, присел на стул и поцеловал мою руку.

– Ну, как ты?

– Выкарабкиваюсь потихоньку.

– Может, тебе что надо? Я заказал повара из ресторана. Он будет тебе приносить горячие обеды. Телевизор есть, видик есть, кассет навалом. Что еще?

– Ничего не надо. Лучше расскажи мне о том, что ты узнал.

– Чупа, ты еще неважно выглядишь. Может, к делам перейдем позже?

– Сейчас и сию минуту. Я слишком долго ждала этого момента. Только не вздумай ничего утаивать и врать. Ты меня знаешь: мне нужна правда – какой бы она ни была. Я хочу знать: Фома жив?

– Я не знаю, Чупа, и никто этого не знает.

– Как?

– Ни в одном банке не сняты деньги, ни копейки, понимаешь? Все на месте. В ячейках депозитария тоже все на месте. Данных о его вылете нет ни в одном аэропорту. Мы показывали его фотографию – никто его не опознал. Ты же сама знаешь, Фома такой шкаф, что его трудно не запомнить. Большие люди обычно врезаются в память. Так вот, его никто и нигде не запомнил. Я навел ревизию в твоих ресторанах и магазинах. Глеб поднял все счета и бумаги.

– И что?

– Ничего особенного. Кое-где недостача, как всегда, надо просто поменять персонал. Сама знаешь: нельзя долго держать человека на прибыльной работе. Он начинает зажираться. Менять необходимо почаще – тогда прибыли будет больше.

– Я займусь этим, как только выйду из больницы. Мне хочется самой покопаться в бумагах. Значит, ты говоришь, никаких больших сумм нигде не снято?

– В том-то и дело, прямо чертовщина какая-то.

– В самом деле, ничего не понятно. Если Фома решил сбежать, то не мог же он убежать без денег. Даже ключи от квартиры и те дома лежат. Он ведь не дурак – остаться без средств к существованию. А документы? А права? Нет, с ним что-то случилось! А что сказали в морге?

– Мы там весь персонал построили к стенке, всех перетрясли и выяснили, что в морг привезли тело чужого жмурика.

– Как?

– На трупе не было следов от ножевого ранения в бок.

– Получается, что в гараже торчал мужик, похожий на Фому?

– К тому же он был хорошо загримирован под Фому. На его лицо наложил грим крайне умелый стилист. В морге лицо не трогали, а сделали только вскрытие, и все. Но ножевого ранения и вмятины под ягодицей не было.

Да и зуб у этого жмурика был, ну тот, который, как утверждает Лешик, у Фомы вырвали.

– Ничего не пойму.

– Я пришел к выводу, что мужики из морга ко всему этому не причастны. Мы там всех чуть не перестреляли. Они бы по-любому раскололись.

– Подожди. Давай попробуем выстроить логическую цепочку. Я не пустила Фому ночевать. Он психанул и пошел в гараж. Там включил машину, уснул и отравился угарным газом. Кто-то попал ночью в гараж, забрал тело и положил похожий, загримированный труп. Нет, стоп! Это бред!

Второй вариант. Я выгнала Фому. Он пошел ночевать в машину. Кто-то пришел ночью в гараж и его убил. Затем положил другой труп, а Фому зачем-то забрал. Это абсурд! Этот вариант тоже никуда не годится.

Рассмотрим третий вариант. Я выгнала Фому. Он решил от меня сбежать. Посадил за руль своей машины труп, похожий на него как две капли воды, и включил мотор. Только вот куда же он сбежал без копейки денег?

Непонятно. Зная его страсть к деньгам, это тоже маловероятно. Если бы он и в самом деле решил сбежать, то ободрал бы меня как липку. Ты проверял воровской общак?

– Все на месте. Чупа, а может, Фома влюбился и ему деньги не нужны?

– Как это? Покажи мне хоть одного дурака, которому не нужны деньги. Такой человек либо больной, либо шизофреник. Сбежать, оставив деньги и драгоценности, – этого не может быть!

– А может, он встретил какую-нибудь девчонку, влюбился по самые уши, как пацан, и захотел покончить со своим прошлым. Что ему для этого надо? Сымитировать свою смерть – и можно начать новую жизнь, под новой фамилией и с любимым человеком!

– Как Солоник, что ли?

– Как Солоник. Может, твоему Фоме, как и Солонику, осточертела эта жизнь по законам джунглей. Он встретил девушку, которую полюбил всем сердцем, и решил поставить на своей прошлой жизни огромный жирный крест. Говорят, когда любят, то готовы на любые жертвы.

– Скажешь тоже! Во-первых, Фоме уже под полтинник, в таком возрасте девушку своей судьбы уже не встречают! У него башка седая!

– Седина в бороду – бес в ребро.

– Предположим, так. Но какими чувствами и к кому он должен воспылать, если давно уже прочно подсел на кокаин? Ты же сам знаешь. Ладно, давай все-таки вернемся к твоей версии. Не забывай, что Солоник, имитируя свою смерть, если, конечно, он ее и в самом деле имитировал, располагал хорошими финансовыми средствами, которые должны были ему понадобиться хотя бы для того, чтобы сложная экспертиза зашла в тупик, допустив возможность подтасовки результатов. Если он исчез, то, несомненно, исчез с круглой или даже квадратной суммой в любой валюте. Не забывай, что это лишь людские домыслы и никто не знает правды. Подтверждения этим слухам нет. Считай, что они беспочвенны.

– В нашей стране слухи не рождаются на пустом месте. Я думаю, что они не столь беспочвенны. Но не нам судить, ты права.

– Нас в данной ситуации интересует Фома. Кому он нужен без копейки денег, какой избраннице? С ним и с деньгами-то тяжело жить, а ты говоришь, без денег. Сам знаешь, бабы сейчас на деньги жуть как падкие! А он с седой башкой, да еще и без денег.

– Мне и самому, Чупа, ничего не понятно. Прямо головоломка какая-то.

– Если ты говоришь, что Фома влюбился и сбежал, как ребенок, то, значит, решилась исчезнуть из этого мира и его избранница?

– Получается, так.

– Скажи мне правду. Он с кем-нибудь встречался в последнее время?

– Чупа, ты же знаешь Фому: у него что ни день, то новая баба. Он же как мартовский кот.

– Ну а постоянные бабы были?

– Были, да не одна. Это я имею в виду тех, кого он чаще других проведывал.

– Гарик, тебе необходимо проверить всех его баб, с которыми он встречался в последнее время, и посмотреть, все ли они на местах. Не исключено, что с одной из них мог произойти «несчастный случай».

– Я понял.

– Собери полную информацию и дай мне отчет. И еще: ты проверял охрану? Кто дежурил в ту ночь? Ты всех опросил?

– Дежурили трое ребят – вполне серьезных и порядочных. Они у нас уже несколько лет работают. Ничего странного за ними не замечалось. Все в один голос утверждают, что ничего подозрительного не видели. Видели, как хозяин зашел в гараж, и все.

– Ты их как допрашивал?

– В смысле?

– Я имею в виду – по головке гладил или к стенке с пушкой прижал?

– Не беспокойся, я сделал достаточно для того, чтобы они сказали мне правду.

– Допроси их еще раз. Может, что-нибудь всплывет. Ладно, ступай, а то я устала.

Гарик встал и поцеловал мне руку.

– Давай, Чупа, выздоравливай и быстрее приступай к делам. Мы все тебя ждем. Жаль, что не удалось найти того, кто стрелял, а то я бы его своими собственными руками задушил.

– Я думаю, что долго здесь не задержусь, – улыбнулась я.

Дверь закрылась – и в палате опять появилась Юлька.

– Девочка моя, ты, наверное, уже устала, – взволнованно произнесла она. – Тебе еще рано столько разговаривать. Давай спи. А я буду просто сидеть рядом.

– Нет, так дело не пойдет. Ты посмотри, на кого ты похожа! Ну-ка, поезжай домой и хорошенько выспись, а потом приедешь.

– Я не могу оставить тебя одну.

– А я вовсе и не буду одна. Со мной будет Бульдог. Скажи ему, чтобы он сидел в этой палате. Что под дверью-то сидеть? Там и так охранников хватает.

– А как же он будет тебе судно ставить?

– Медсестру позовет. Давай дуй домой и приведи себя в порядок. Самое главное – выспись хорошенько. Тем более тебя двое мужчин ждут, – улыбнулась я.

– Ладно, я только ненадолго.

– Высыпайся и не торопись. Я уже больше не умру.

Юлька чмокнула меня в щеку и выскочила из палаты.

Едва за ней закрылась дверь, как в палате вновь появился Бульдог.

– Ты меня еще охраняешь или нет?

– Охраняю, конечно.

– Слава богу! Я тебя увольнять не собираюсь. Ты будешь уволен только тогда, когда я умру. Чего ты сидишь в коридоре, там и так охранников много! А я здесь одна в палате лежу. А вдруг меня через окно захотят убить?

– Десятый этаж. Сверху еще пять этажей, – вздохнул он.

– Ну и что! Сам знаешь, сколько сейчас киллеров-альпинистов развелось, просто жуть! Мне кажется, что ты стал меня охранять без прежнего пыла. Смотри, а то мне и в самом деле придется тебя уволить!

– Извини. Я действительно обязан находиться внутри палаты.

– Именно это я тебе и пытаюсь доказать. Вдруг меня захотят убить. Кто-нибудь из медперсонала. Знаешь, как в фильме: появляется новенькая медсестра – а оказывается, что это киллер. Ты должен сидеть здесь и проверять весь входящий в палату медперсонал. Вплоть до того, что у них в шприцах. Совсем расслабился!

– Ты права, Чупа. Я и в самом деле расслабился. – Бульдог почесал затылок.

– Давай, ты карауль, а я буду спать. Я устала.

– Конечно, Чупа, ты же женщина…

– Мне всегда спокойно, когда ты рядом.

Бульдог взял мою руку и нежно поцеловал.

– Обещай, что ты никогда от меня не уйдешь, – перешла я на шепот.

– Обещаю, – улыбнулся Бульдог и ласково погладил меня по щеке. – Давай спи.

Я закрыла глаза и блаженно уснула.

Глава 4

Так незаметно пролетал день за днем. Чувствовала я себя намного лучше. Мне уже удавалось подниматься и делать первые шаги, держась за больничную койку. Бульдог, как преданный пес, всегда был рядом со мной, он даже спал у моих ног. Когда я пыталась ходить, он приходил в дикий ужас. Ему казалось, что я в любой момент могу упасть. Чтобы предотвратить это, он подставлял свои огромные ручищи, которые я постоянно одергивала, так как пыталась делать все самостоятельно. Юлька приезжала через день и, как маленький ребенок, радовалась моим успехам. Глядя на мои неуверенные шаги, она хлопала в ладоши, подпрыгивала и дико визжала. Бульдог не мог на это смотреть спокойно и громко смеялся, мотая своей огромной головой.

Ситуация с Фомой по-прежнему оставалась невыясненной и не давала мне спать спокойно. Кто-то сыграл со мной злую шутку. Только вот кто?! Сам Фома или кто-то еще?! Я никак не могла это выяснить. Лешку посадили на самолет и отправили в Ригу, при этом наказав строго-настрого держать язык за зубами. Гарик предлагал отправить его намного дальше, чем Рига, но я пожалела этого идиота. Все-таки родственник как-никак. Лешка был так напуган, что обещал забыть поездку на похороны брата как страшный сон. Мои мальчики проверили всех девок, с которыми мой муженек встречался в последнее время, но эта суета не принесла особого результата. Все девки были живы-здоровы и Фому не видели уже давно.

Так что гипотеза, выдвинутая Гариком, оказалась беспочвенной и никак себя не оправдала. Охранников, дежуривших в ту ночь, допросили еще раз, но и это не помогло разъяснить ситуацию. Никто ничего не видел и не слышал. Для собственного успокоения я позвонила во все банки, где имела счета, и заблокировала их. Теперь Фома не имел доступа ни к счетам, ни к ячейкам в депозитарии.

Человека, стрелявшего в меня в туннеле, так и не нашли. Единственное, что удалось выяснить, – это был мужчина крепкого телосложения, примкнувший к группе иностранцев перед посещением Гатчинского дворца.

На нем был комбинезон и панама, натянутая на глаза. На плечах висел увесистый рюкзак. Свидетели утверждали, что этот мужчина говорил на ломаном русском, якобы он представился экскурсоводу как американец, в одиночку путешествующий по России, мол, его интересуют дворцы Петербурга и его окрестностей. Конечно, этот липовый американец был настоящим профессионалом. Он прекрасно знал все входы и выходы Гатчинского дворца. Выстрелив в меня, он успел добежать до конца туннеля и ушел через противоположный выход, ведущий к озеру.

Все это было покрыто тайной и осталось для меня загадкой, разгадать которую мне оказалось не по силам.

По ночам я мучилась в догадках и терзалась в сомнениях. Все это напоминало мне игру в прятки, только кто-то играл в открытую, а мне приходилось действовать вслепую. Уравнение с двумя неизвестными, где первым неизвестным был Фома, а вторым – человек, едва не убивший меня в этом дворце.

За день до выписки ко мне приехала Юлька и заявила о своем желании остаться у меня на целую ночь. Я, конечно, жутко обрадовалась и отправила Бульдога на выходной.

Он был недоволен, так как боялся оставить меня даже на минуту. Юлька его заверила, что я буду находиться в надежных руках, после чего мой преданный слуга удалился.

Включив легкую музыку, Юлька достала из пакета литровую бутылку канадского виски и лукаво улыбнулась:

– Ну что, отпразднуем твое выздоровление – как-никак, а завтра домой.

Я подмигнула в ответ, открыла бутылку и вдохнула блаженный аромат.

– Натуральное канадское виски! Разве что-то бывает вкуснее!

– Ничего, – подтвердила Юлька и наполнила рюмки.

– За тебя, Чупа. За то, что ты, слава богу, жива, – улыбнулась она и поцеловала меня в щеку. – Только я вот все время думаю, кто в тебя стрелял и куда делся Фома?

– У меня от этих мыслей мигрень скоро разовьется, – вздохнула я. – Знаешь, надо свыкнуться с мыслью, что Фомы больше нет, так будет легче. Я вот завтра выйду из больницы и съезжу к нему на могилку, цветов положу. Для меня он умер. На всякий случай я заблокировала все счета, поэтому, где бы он ни был – в земле или на земле, – доступа к ним он уже не имеет.

– Это ты здорово придумала! И замки от городской квартиры поменяй, хотя я все же склонна думать, что Фомы нет в живых. Если бы он был жив, то обчистил бы тебя по полной программе, можешь не сомневаться. Чупа, а ты не думала о том, что Бульдог может оказаться предателем?

– Чушь! Бульдог преданный пес, видишь, как он за меня трясется. Я осталась жива благодаря его молитвам и потому, что он вовремя притащил меня в эту больницу.

– А ты не задумывалась над тем, какого хрена он потащил тебя в этот туннель?

– Я и сама туда хотела сходить.

– Странно, человек, который пытался тебя убить, знал все ходы и выходы из этого туннеля. Создается впечатление, что он и Бульдог были в сговоре.

– Ерунда! Тогда зачем Бульдог орал как резаный, чтобы включили свет? Он мог бы просто потянуть время, и все. Но он закричал сразу, когда почувствовал, что я падаю. Если бы Бульдог был предателем и хотел меня убить, то вовсе не обязательно делать это во дворце, на глазах у туристов. Проще завести меня в какой-нибудь закуток и грохнуть потихонечку.

– Не скажи. Бульдог в воровских кругах личность довольно известная, и он жутко печется о своем авторитете.

Сама подумай, он же не может броситься в бега или вообще исчезнуть с глаз долой из воровского мира. Всему должно быть объяснение, понимаешь?! Здесь в самый раз слепить постанову и привлечь внимание людей. Произошла инсценировка, и Бульдог здесь ни при чем, с чистенькой, незапятнанной репутацией. Никакого отношения к убийству он не имеет, и ни у кого не возникает никаких мыслей.

– Юлька, ты несешь полный бред! Но ведь я осталась жива.

– По чистой случайности. Неувязочка вышла. Я просто хочу сказать, чтобы ты присмотрелась к этому Бульдогу и была с ним поосторожней. Уж больно он мне не нравится, особенно эта наигранная преданность. Я бы его вообще на твоем месте уволила после этого случая! Хреново охраняет! Квалификация не соответствует его заработной плате.

– Вот когда будешь на моем месте, тогда и увольняй! – разозлилась я.

– Не злись. Ты же знаешь, что я никогда не буду на твоем месте, потому что твое место мне не по зубам. У меня нет такой жизненной хватки. Не по Сеньке шапка!

Я и не стремлюсь на твое место, у меня мозгов не столько, сколько у тебя! Жить в окружении отморозков, управлять ими, как куклами, иметь столько денег и без труда справляться со своими ресторанами и магазинами способна только ты. Это достойно восхищения и уважения. Я горжусь, что имею такую подругу. Потому что я, по сути дела, неудачница, обычная интриганка, которая не может разобраться со своими мужиками только потому, что вообще не способна принимать самостоятельных решений.

Кстати, если мне понадобится работа, ты устроишь меня продавщицей в один из своих магазинов?

– Зачем тебе работа? Я всегда дам тебе столько денег, сколько нужно.

– Нет, я хочу заработать деньги. Я не могу принимать деньги из рук подруги. Это уже не дружба. Я никогда не искала в тебе выгоду. С мужика взять деньги – это святое.

Мужика грех не разуть. Их надо колпашить и разувать по полной программе. Уметь раскрутить мужика и при этом сделать так, чтобы это воспринималось как должное, – тоже в своем роде талант. В конце концов, нормальный мужик должен знать: чем больше он потратит на женщину, тем красивее будет в ее глазах. Мужики – они же по своей природе жадные и сами не прочь упасть к кому-нибудь на хвост. Халяву все любят. Временами они просто забывают, что за все на свете надо платить, даже за любовь и преданность. Их же, как в больнице, постоянно надо подлечивать, чтобы они кошелек под подушку не клали, а делились с ближним. Ничего, за это им потом воздается. Знаешь, Чупа, можешь смеяться, но уж здесь меня бог талантом не обидел. Немного труда, борьбы, актерского мастерства – и я могу оставить мужчину, грубо говоря, на бобах. Необязательно быть супермоделью или красавицей. Главное – уметь себя преподнести, главное – уметь внушать. Мне ничего не стоит внушить мужику, что ничего более совершенного в этом мире, кроме меня, просто не существует. Я его крест, и ему предстоит тащить его на своем горбу, как бы ни приходилось тяжело. Я, как плющ, который обвивается вокруг дуба и питается его жизненными соками. Дуб при этом чахнет и высыхает, а плющ цветет и разрастается все больше и больше. А ты говоришь – брать деньги с тебя! Женской дружбе нет цены, иначе это не дружба.

– Ну хорошо, если уж тебе так хочется работать, я дам тебе место директора магазина или на худой конец администратора. А хочешь, будешь просто ревизором.

Можешь в любой момент приходить в мои магазины с ревизией и выписывать штрафы. Вот тебе и живая наличка, – засмеялась я. – Только мне кажется, что в данный момент тебе работа ни к чему. Двое мужчин трудятся не покладая рук, чтобы выполнить любую твою прихоть.

– Да, только они мне так осточертели, что, по всей вероятности, придется искать третьего. Только он должен зарабатывать столько, сколько зарабатывают эти двое, – засмеялась Юлька и налила нам по рюмке. Затем она внимательно посмотрела на меня и тихо сказала:

– Чупа, будь осторожна, обрати внимание на Бульдога. То, что произошло в Гатчинском дворце, может повториться еще раз. Не пропускай мои слова мимо ушей, а прими к сведению. Ты прекрасно знаешь, что я тебе плохого не желаю.

На следующий день к больнице подъехали мои ребята с огромным букетом цветов. Мы выпили шампанское прямо у больничных дверей и поехали ко мне на дачу. Я села в машину рядом с Бульдогом и подозрительно посмотрела на него. Я, конечно же, не хотела верить Юлькиным словам, но все же то, что она говорила, прочно засело у меня в голове. В самом деле, какого черта Бульдог повез меня в этот дворец? Откуда киллер знал, что именно в это время мы будем в Гатчине? Ведь убийство было спланировано самым тщательным образом. Человек, стрелявший в меня, прекрасно знал, что в этом туннеле выключают свет, знал он и то, что в противоположном конце есть запасный выход, который ведет к озеру и глухому лесу.

– Как провел выходной? – спросила я у Бульдога, стараясь выглядеть беззаботной.

– Нормально, – буркнул он.

– Со своей девушкой встречался?

– Чупа, зачем тебе это надо?

– Чисто женское любопытство.

– Да, я к ней ездил.

– Она еще танцует?

– Танцует, что ей еще делать? Кроме как танцевать, она ничего не умеет.

– А в каком баре она танцует?

– В «Трех шестерках» на Невском.

– А как ее зовут? – улыбнулась я.

Бульдог насторожился и внимательно посмотрел на меня.

– Чупа, ты что задумала?

– Ничего. Просто я бы хотела знать имя своей соперницы, – засмеялась я.

– Ну, ты тоже сказанула. Разве у такой женщины, как ты, бывают соперницы?!

– Выходит, что бывают. Так все-таки как ее зовут?

– Даша.

– Красивое имя.

Бульдог замолчал и уставился на дорогу. Выдержав паузу, я тихо спросила:

– Бульдог, скажи, а почему мы поехали в тот день именно в Гатчинский дворец?

– Не знаю. Наверное, потому, что я там был много раз и это мой самый любимый дворец. Я хотел показать его тебе, – растерялся он.

– Странно. Почему ты выбрал именно тот дворец, где есть этот чертов туннель? Ведь больше таких туннелей нет ни в одном дворце.

– В этом-то и весь кайф. Такого ты больше нигде не увидишь. В Петергофе есть грот, но это совсем не то. В Гатчину специально приезжают, чтобы на туннель посмотреть.

Внезапно Бульдог так резко затормозил, что мы чуть не врезались в придорожный столб. Повернувшись ко мне, он пристально посмотрел на меня.

– Чупа, а ты к чему это спросила? Ты меня подозреваешь?

Я не ответила. Бульдог тяжело задышал:

– Ты хочешь сказать, что я в сговоре с убийцей?

– А я разве разрешала тебе останавливать машину? – ледяным голосом отчеканила я. – Посмотри назад. Там едут несколько машин с моими ребятами, поэтому советую тебе не делать глупостей и не привлекать внимания, твое дело везти меня на дачу. Я задала тебе вопрос и хотела получить ответ, только и всего.

Бульдог надавил на газ, и машина медленно тронулась с места. У него был такой несчастный вид, что казалось, через пару минут он расплачется. Мне даже стало как-то неловко, что я усомнилась в его преданности и послушала Юльку. Если бы я не была в той шкуре, в которую влезла, то обязательно положила бы его голову к себе на колени и пожалела. Бульдог был вне всякого подозрения.

Если бы он хотел, чтобы меня убили, то меня бы уже давно убили. Я погладила его по плечу и тихо сказала:

– Прости. Я не имею права в тебе сомневаться…

Бульдог ничего не ответил, и до дачи мы доехали молча.

Немного отдохнув, я встретилась со своими мальчиками, и мы обсудили текущие «производственные» вопросы.

– Будем считать, что Фома мертв, – объявила я своим ребятам, ослепительно улыбнувшись. – Теперь всем вам понятно, что вами будет руководить женщина. Я думаю, что недовольных среди вас нет, а если таковые найдутся, то быстренько исчезнут из наших плотных рядов.

Вам всем и так уже давно известно, что делами в последнее время управляла я. Фома безоговорочно выполнял все мои приказания. Он уже давно смирился со своей участью и являлся моей правой рукой. Почти два года я была мозговым центром банды. Я и впредь буду разрабатывать планы вооруженных налетов, если в них возникнет необходимость, хотя мы постоянно стараемся избегать открытого применения грубой силы. «Кадровые вопросы» я также буду решать самостоятельно.

– Чупа, мы единогласно признаем тебя, и нас совершенно не смущает, что ты женщина, – сказал Гарик. – Менты уверены в том, что банду возглавляет профессионал, а в других группировках думают, что нами руководит бывший или действующий опер. Никто не может предположить, что главарь – женщина, никогда не переступавшая порога тюремной камеры.

– Спасибо за доверие, – улыбнулась я. – Для посторонних глаз я просто удачливая предпринимательница, которой досталось неплохое наследство от покойного супруга. Не нужно иметь уголовный опыт, чтобы вами управлять, достаточно иметь хорошие мозги. С сегодняш-

него дня я устанавливаю железную дисциплину. Вы ничем не должны отличаться от добропорядочных горожан, и уж тем более вам нельзя привлекать к себе внимание милиции. Запрещается хранить и употреблять наркотики, использовать оружие без надобности и сорить деньгами напоказ. За нарушение моих требований я буду увольнять из группировки, безжалостно штрафовать, а неисправимые героинщики могут получить пулю.

Когда ребята разъехались, я осталась наедине с Гариком. Гарик посмотрел на меня взглядом, полным обожания, и тихо сказал:

– Молодец! Сегодня ты была просто на высоте. В наши дни, когда в Петербурге царит беспредел похлеще, чем в двадцатые годы, женщины все чаще становятся во главе организованных преступных сообществ. В «черном бизнесе», как и в бандитской среде, всегда больше ценились не крепкие кулаки, а быстрый ум. А в этом дамы всегда превосходят сильный пол. – Он искренне улыбнулся.

– Ладно, достаточно комплиментов. Ты лучше скажи, какие наболевшие вопросы у нас сегодня стоят на повестке дня.

– Назрел тут один каверзный вопросик. Есть у нас подкрышная фирма «Ариста». Так вот, когда-то коммерсу, который ее возглавляет, давали деньги на раскрутку.

Этот коммерс занимался в свое время пивом, влез в долги, короче: у него возникли проблемы с другой крышей, его чуть не замочили, и он обратился за помощью к нам.

Мы его у той крыши отмазали, все с пацанами уладили, выплатили, сколько он должен плюс проценты, и забрали его под крышу к себе. Фома выделил ему денег на раскрутку. Он раскрутился, деньги вернул и каждый месяц исправно платил нам определенную сумму. Теперь же он чересчур окрутел, имеет целую сеть магазинов на Литейном. Ездит на «шестисотом» и имеет пятикомнатную квартиру на Невском. В общем, в последнее время он стал ныть, что ему тяжело отстегивать такую сумму, что он в убытке, товар, мол, плохо берут, и стал просить снижения ежемесячных выплат. А сам жиреет на глазах, прикинь. Уже за руль «Мерседеса» с трудом садится, живот мешает. Это я, конечно, так, образно, не такой уж он здоровый, просто денег у него, как у курицы зерна. Мы ему крышу обеспечиваем, другие группировки его не трогают, а он нам платить отказывается. Так теперь он вообще оборзел. Сотовый отключил и нанял целую кучу охраны.

Нас к себе на пушечный выстрел не подпускает, решил вообще без крыши, самостоятельно работать. Я вот и хочу посоветоваться, что с ним делать? Забылся просто парень, взлетел слишком высоко. Надо бы ему напомнить, кем он был и кто ему давал денег. Ликвидировать?

– Ликвидировать мы всегда успеем, это несложно. Давай-ка попробуем с ним побеседовать и денежки забрать. Может, он просто с виду такой несговорчивый.

– Ты предлагаешь его похитить с целью выкупа?

– Нет, пока я ничего не предлагаю. Я просто хочу, чтобы он приехал ко мне на разговор.

– Чупа, но он сам не поедет. Он даже сотовый отключил.

– Тогда привези насильно и закрой в подвале.

– А если стрелять придется?! Его же так просто голыми руками не возьмешь. Рядом с ним человек десять охраны ходит…

– Стрелять не надо. Охрана же с ним дома ночью не спит. Нужно проникнуть в его квартиру и ждать там.

– В принципе ты права, у него как раз жена с сыном в отпуск улетели. Он сейчас один живет. Самый подходящий момент для того, чтобы с ним поговорить.

– Конечно, возьми серьезного домушника, Влада, например. Он работает профессионально, может любой сейф открыть. Пусть он пробьет квартиру, и приступайте к своей работе. Запомни: стрелять в крайнем случае. Как только его возьмете – сразу ко мне в подвал. Я с

ним побеседую. Мы ему ставку не уменьшим, а значительно повысим. Если откажется платить, тогда ликвидируем. Будем искать на его место более сговорчивого.

Как только Гарик ушел, я вышла из дома и поискала глазами Бульдога. Он сидел рядом с беседкой и читал газету. Я подошла и положила на газету свою ладонь. Он поднял глаза и посмотрел на меня безразличным взглядом.

– Еще скажи, что ты меня не хочешь!

Бульдог покраснел и что-то пробурчал себе под нос.

– Так ты меня не хочешь? – повторила я.

– Я на работе, – произнес он.

– Я думала, что после нашего разговора в машине тебе в голову не полезет бульварная пресса, но, наверное, ошиблась. Ты читаешь с большим воодушевлением.

– Потому что в машине ты сморозила такую глупость, что мне даже не хочется про нее вспоминать. Я просто хочу, чтобы ты меня уволила.

– Ты что, подыскал себе новое тело, которое бы тебе хотелось охранять?

Бульдог не ответил на мой вопрос и опять уставился в газету. Я выхватила ее и разорвала пополам. Затем взяла его за подбородок и почти грубо спросила:

– Ты что, меня не услышал?! Я не люблю повторять дважды. Нельзя игнорировать то, что я говорю.

– Что ты хочешь, Чупа? – Бульдог убрал мою руку. – Что ты бесишься? Я тебе не дешевый жиголо, поэтому не надо на меня наезжать.

Я наклонилась к нему так близко, что его лицо уткнулось мне в грудь. Услышав его тяжелое дыхание, я тихонько прошептала:

– Жду тебя сегодня в час ночи. Дверь моей спальни будет открыта.

Бульдог ничего не ответил, но зато покраснел до самых ушей.

– Все будет нормально, не переживай, – подмигнула я и, плавно покачивая бедрами, направилась к дому.

Затем я позвонила Юльке. Та жутко обрадовалась и пообещала на днях обязательно нагрянуть ко мне.

– Ты ошибаешься по поводу Бульдога, – попыталась заверить я подругу. – Это такая преданная псинка. Я нисколько не сомневаюсь в том, что он втрескался в меня по самые уши.

– Будь осторожна, Чупа, – не унималась Юлька.

– Юлька, ты меня уже утомила. Ты согласна подозревать всех, кого только можно и нельзя. Бульдог мне как друг, понимаешь? Он мне дорог. Он намного больше, чем телохранитель.

– Знаешь одну хорошую истину?

– Какую?

– Один великий сказал довольно любопытную вещь: «Боже, спаси меня от друзей, а с врагами я и сам справлюсь».

– Если следовать этой истине, то получается, что беды можно ждать и от тебя. Ведь ты же мой самый лучший друг.

– Ерунда. От меня можешь ничего не ждать. Из любого правила бывают исключения. Так вот: я и есть твое исключение. Просто самые страшные беды приходят от тех, кому доверяешь.

– Ладно, давай оставим этот вопрос открытым. Я постараюсь разобраться в нем сама.

– Чупа, ты не просто женщина. Ты имеешь деньги, власть и красоту. Два первых аргумента раздражают многих людей. Ты просто обязана себя беречь и быть крайне осторожной. Мужчины не могут с тобой жить под одной крышей и спокойно тебя любить, потому что ты слишком совершенна для них. Ты совершенна во всем, что бы ты ни делала и как бы ты ни выглядела. Мужчины боятся таких женщин, понимаешь? Вот предложи тебе сейчас роль обычной матери и жены человека со средним достатком, да я уверена, что ты никогда не согла-

сишься на такую роль. Потому что это не твое. Ты всегда и всего достигала сама. Ты суперсильная женщина – таких единицы. Ты привыкла властвовать и не выпустишь власти из рук до самой смерти. Мне незнакомо чувство власти, а ты им упиваешься.

– Я бы этого не сказала, – усмехнулась я. – Ты тоже умеешь властвовать над мужчинами.

– Да, но только как над самцами. Ты же властвуешь по-другому. Ты порабощаешь их как людей, а это совсем не то, что умею я. Даже Фома тебя боялся и именно по этой причине гулял от тебя по-черному. До тебя он был личностью, а встретил тебя – и стал просто ничтожеством. Ты поработила его мозг и сделала его дерьмом.

– Это не я поработила его мозг, а кокаин, и то неизвестно, так ли уж они порабощены. Тот маскарад, который произошел совсем недавно с его похоронами, заставляет меня в этом усомниться. Ладно, давай, а то уже телефон горячий.

Я положила трубку и на минуту задумалась. Почему Юлька так упорно не хочет верить Бульдогу? Может быть, это ревность? Она ведь не слепая, видит, что между нами назревает роман, и жутко ревнует. А ближе и дороже меня у нее никого нет. Скорее всего, она просто боится, что я полностью отдамся своему увлечению и времени для нее совсем не останется. Вот глупая! Когда это бывало, чтобы я забыла про все на свете.

Сегодня у меня отличное настроение, и я не прочь пошутить с Бульдогом – уж больно он серьезный в последнее время. Ближе к часу ночи я расстелила постель и положила туда резиновую куклу ростом с меня. Эту игрушку Фома купил в секс-шопе, когда наш роман только начинал развиваться. Мы прекрасно ладили и хотели хоть как-то разнообразить нашу сексуальную жизнь. В тот день мы набрали всяких цепей, плеток, масок и увидели эту куклу. Она была как живая – с открывающимся ртом, красивой грудью и настоящими женскими гениталиями.

Мы попросили продавца ее надуть и показать в рабочем состоянии. Другие покупатели смотрели на нас глазами, полными ужаса, но мы плевали на мнение окружающих.

Смеясь, Фома примерил ее к себе. В тот момент я подумала о том, что наши люди страшно закомплексованы. Если они и заходят в секс-шоп, то краснеют и боятся посмотреть в глаза продавцу. Про то, чтобы попросить показать, как работает тот или иной прибор, просто не может быть и речи. Покупают в основном легкие эротические кассеты и презервативы, на большее не хватает ни фантазии, ни смелости. Другое дело, когда в секс-шоп заходит иностранец, он радуется, как ребенок, и загоняет продавца до такой степени, что тот будет мечтать о том, чтобы назойливый покупатель поскорее ушел. Иностранцу хочется посмотреть и попробовать все. Уж в чем, в чем, а в острых ощущениях они не привыкли себе отказывать. Наши женщины и того хуже. Если забегут в секс-шоп, то тысячу раз оглянутся, не дай бог кто-нибудь их увидит из знакомых. А в самом магазине шарахаются от каждого шороха и боятся посмотреть в глаза другим посетителям. По нашим дурным меркам, в секс-шоп может прийти только отъявленная проститутка, а добропорядочным леди в такие заведения ходить не положено. Только непонятно почему. Можно подумать, что добропорядочной леди не хочется заниматься сексом.

Так вот, положив резиновую куклу к себе на кровать, я накрыла ее одеялом. Сама же спряталась в ванную комнату, оставив себе небольшую щелку для того, чтобы было удобно наблюдать за происходящим. Бульдог появился ровно в час. Он осторожно прошмыгнул к кровати и почти шепотом спросил:

– Чупа, ты спишь?

Ответа не последовало. Тогда он снял с себя пиджак и аккуратно повесил на стул. Постояв еще пару минут, переминаясь с ноги на ногу, он развязал галстук и расстегнул рубашку.

– Чупа! – позвал он уже громче и растерянно посмотрел на кровать. Естественно, ответа не последовало.

Постояв еще с минуту. Бульдог снял брюки и повесил на стул. Оставшись в тоненьких плавках, в которых рельефно выделялось его мужское достоинство, он осторожно прилег на краешек кровати и сунул руку под одеяло. Понятно, что ничего, кроме теплой резины, он нащупать не мог, поэтому тут же подскочил как ошпаренный и скинул одеяло с кровати.

– Вот сука…

Я молча проглотила оскорбление, прозвучавшее в мой адрес, и вышла из ванной.

– Привет, Бульдог! А ты что здесь делаешь?

Бульдог был похож на вареного рака. Он покраснел так сильно, что я даже испугалась. Казалось, еще немного – и мой телохранитель сгорит у меня на глазах.

– Бульдог, тебе плохо? – участливо спросила я.

– Хорошо… – пробурчал он и стал дрожащими руками натягивать брюки.

– Ты обиделся?

– Нет. Ты всегда поступаешь очень остроумно.

Когда Бульдог повернулся ко мне задом и уже почти натянул штаны, я заметила небольшой ценник, прикрепленный к его плавкам.

– Ты ценник на плавках забыл отодрать.

– Что? – не понял он.

– Готовясь к встрече, ты натянул новые парадновыгребные плавки, а ценник отодрать забыл.

Бульдог застыл на месте, смешно вытянув шею, пытаясь увидеть свою задницу.

– Чтобы увидеть ценник, тебе лучше снять трусы, – посоветовала я, – шея у тебя, к сожалению, коротковата.

Хочешь – я возьму ножницы и отрежу его, а хочешь – так и ходи. Мне, собственно, разницы нет. Это я так, по-дружески тебя предупредила.

– Спасибо. Я сам, – пробурчал Бульдог и застегнул ширинку.

Схватив рубашку и пиджак, он выскочил из моей комнаты как ошпаренный.

– Завтра утром поедем по делам! – крикнула я ему вслед, но он, наверное, уже ничего не слышал и не видел.

Бедный Бульдог! Представляю, что творится у него в голове и какими словами он материт меня в данный момент. Даже жаль мужика. Я увидела его в плавках и так сильно захотела. Представляю, что было бы, если бы он был без плавок…

Утром я вышла во двор с сотовым телефоном в руке и попыталась отыскать Бульдога. Неожиданно телефон зазвонил. Это был Гарик.

– Чупа, я тебя не разбудил?

– Нет, ты можешь звонить в любое время дня и ночи. Говори, что случилось.

– Этот коммерс у нас.

– Молодцы. Я надеюсь, все обошлось без кровопролития?

– Само собой. Мы дождались его дома и так тихонько вывели и усадили в машину, что ни одна живая душа не видела.

– Молодцы, – похвалила я.

– Короче, мы едем к тебе.

– Я думаю, что у вас хватило ума завязать ему глаза.

– Обижаешь. Мы это сделали, когда выводили его из подъезда. Он даже не имеет представления, в какой машине его везут.

– Отлично. Развяжете только в подвале и не забудьте приковать наручниками к батарее.

– Само собой. До встречи.

– До встречи. – Я повесила трубку и подошла к одному из охранников: – Где Бульдог?

– Не знаю, я его сегодня вообще не видел.

– Он что, не ночевал?

– Понятия не имею. Могу сходить в его комнату узнать.

– Не надо. Я сама схожу.

Я направилась в комнату, где обычно ночевал Бульдог.

Дверь оказалась незапертой. Бульдог лежал на кровати, широко раскинув ноги, и угрюмо смотрел в потолок. Я села на стул, закинув ногу на ногу.

– Почему ты не вышел на работу?

– Потому что я больше на тебя не работаю.

– Что ты сказал?!

– Что слышала.

– Как ты смеешь со мной так разговаривать!

Я не успела договорить фразу, как Бульдог подскочил с кровати, закрыл дверь на ключ и сгреб меня в охапку. Я попыталась сопротивляться, но это не принесло особых результатов. Весовые категории у нас были, естественно, разные, и я сама не поняла, как очутилась под Бульдогом.

Такое хамство и наглость взбесили меня настолько, что я со всей силы ударила его по голове. Он даже не сморщился и продолжал расстегивать пуговицы на моем халате. От нежных поцелуев и ласк тело размякло, я почувствовала дикий зов плоти.

– Я хочу тебя, хочу, ну почему же ты медлишь? – прошептала я.

Бульдог целовал меня так страстно и нежно, что я больше не могла терпеть.

– Ну, Бульдог, пожалуйста. Я хочу тебя.

– Меня зовут Макс. – Он слегка укусил меня за мочку уха, и я застонала.

– Макс, не мучай меня…

Бульдог стал целовать меня еще яростнее.

– Да трахни же ты меня, наконец, – разозлилась я и попыталась стянуть с Бульдога штаны. Когда я почувствовала, что в любой момент могу потерять сознание, а мое желание переросло все границы и пределы, Бульдог встал с кровати, поправил свои брюки и принялся надевать рубашку, не обращая на меня никакого внимания.

– Ты что? – удивилась я.

– Ничего. Просто я тебя не хочу.

– Что ты сказал?!

– Я не хочу тебя. Ты не возбуждаешь меня как женщина. По-моему, ты сама мне не раз говорила, что ты не женщина.

– А кто?

– Конь в пальто, – огрызнулся Бульдог, открывая дверь.

– Ты уволен.

– Хорошо. – Бульдог подошел к шкафу, достал сумку и покидал в нее несколько костюмов вместе с вешалками. Затем он встал у двери и печально посмотрел на меня.

Я застегнула халат и подошла к нему.

– Ты ждешь расчета?

– Нет. Мне не нужны твои грязные деньги.

– Боже мой, можно подумать, что деньги бывают чистыми.

– Прощай. – На глазах у Бульдога были слезы.

– Прощай.

Бульдог вышел из дома и направился к беседке. Там были Гарик и еще несколько пацанов. Бульдог пожал им руки и со всеми попрощался.

Я стояла на ступеньках, молча наблюдая за тем, как он открыл дверь своей машины, бросил сумку на заднее сиденье и сел за руль. Когда машина отъехала, я подошла к Гарику и поздоровалась с ним.

– Чупа, ты что, Бульдога уволила?

– Нет. Он просто взял выходной.

– Странно. Он с нами со всеми попрощался.

– Наверное, он просто немного попугал. Такое бывает, когда ночью плохо спишь. Ну что, коммерс в подвале?

– В подвале, – гордо ответил Гарик.

– Пошли.

Мы спустились в подвал, который братва шутя называла «камерой пыток». Прямо на холодном полу сидел интересный мужчина в дорогом костюме и шикарном галстуке. Его руки были прикованы к батарее, на лбу выступил пот.

Я села на стул и попросила Гарика подождать за дверью. Когда Гарик вышел, я улыбнулась и чуть слышно произнесла:

– Привет! Тебе у нас нравится?

Мужчина испуганно посмотрел на меня и быстро проговорил:

– Ты работаешь в этом доме? Помоги мне отсюда сбежать. Я тебе хорошо заплачу. У меня есть много денег. Я дам столько, сколько ты захочешь…

Я задумалась:

– У тебя и вправду много денег?

– Много, – быстро закивал мужчина. – Именно поэтому я здесь. Я дам тебе тысячу баксов. Только помоги!

– Ты что, спятил? За тысячу баксов ты здесь сдохнешь.

– Сколько ты хочешь?

– Сто тысяч.

– Что?

– Сто тысяч – и я могу тебе помочь.

– Ты в своем уме?

– Вроде бы да.

– Тогда позвони моим товарищам и скажи, где я нахожусь.

– Сколько я буду за это иметь?

– Полторы тысячи.

– Ты что, совсем дурак или им прикидываешься?

– А сколько ты хочешь?

– Я же тебе русским языком сказала: сто тысяч.

– Ты сумасшедшая!

– Сколько ты платишь в месяц своим крышевым?

– Я им больше ничего не плачу.

– Хорошо, тогда скажи, сколько ты им платил?

– Десять тысяч долларов ежемесячно.

– В принципе это не такая уж большая сумма для птицы твоего полета. Теперь ты будешь платить пятнадцать тысяч – первого числа каждого месяца. А сто тысяч – это штраф за то, что захотел работать самостоятельно, нанял кучу охраны и не очень хорошо обошелся с моими мальчиками.

– Да кто ты такая, чтобы ставить мне свои условия?!

– Веди себя поспокойнее. Я не привыкла, чтобы со мной разговаривали таким тоном.

– Я вообще не желаю с тобой разговаривать. Иди и занимайся по хозяйству. Я требую главного! Кто здесь самый старший?!

– Дурак! Ты, наверное, еще не въехал, куда попал. Что ты можешь требовать, если через несколько часов сдохнешь! Ты хотел узнать, кто старший? Ты видишь его перед собой. Скажу прямо, что о тебе у меня складывается не самое лучшее впечатление. Я вот на днях думала, что мне с тобой делать: ликвидировать и поставить на твое место более сговорчивого коммерса

или же оставить тебя в живых. Знаешь, прежде всего мне захотелось увидеть тебя, а теперь, когда мы встретились, я решила, что для такого хорька, как ты, самым справедливым, пожалуй, будет первый вариант.

– Ты хочешь сказать, что ты главная у этих отморозков?

– Мне не нравится, как ты называешь моих мальчиков. Когда ты бегал с голой задницей и по уши залез в долги, то просил у этих отморозков деньги. Они спасли тебе жизнь, дали денег и помогли быстро и спокойно раскрутиться.

– Но я же вернул им деньги.

– Этого мало. Ты же не кредит в банке брал, а взял деньгой у криминальной группировки. Улавливаешь разницу?

– Улавливаю, – вздохнул мужчина.

– Вас, коммерсов, потому и колпашат, что вы все жадные. Тебе хорошо известно, что коммерсант не может работать без крыши. Это как в налоговой. Заплати налог – и спи спокойно. Ты сам знал, на что идешь, когда обращался к моим мальчикам за помощью. Просил защиты, просил покровительства, просил помочь деньгами. Все это ты получил. В то время ты еще ездил на ржавой «копейке» и снимал квартиру на Литейном. Теперь же ты имеешь «шестисотый», жена твоя – новенький «Форд» и пятикомнатную квартиру. Быстро же ты все забыл… В общем, посиди подумай, где взять сотку баксов штрафа за твой косяк, а когда надумаешь – скажешь мне.

– Но у меня нет таких денег!

– Конечно, у кого они есть? Но тогда и у меня нет возможности оставить тебя в живых.

– Мне нужно подумать.

– Это другой разговор. Я тебя не тороплю.

Я вышла из подвала и поднялась наверх.

– Ну что? – встретил меня Гарик.

– Пусть найдет для нас сотку баксов, а дальше посмотрим, что с ним делать. Ничего, посидит, прочухается, а то привык на Канарах отдыхать. Теперь пусть немного позагорает на нашем курорте.

Переговорив с пацанами, я вернулась в свою комнату и позвонила Юльке:

– Послушай, Юлька, ты можешь ко мне сегодня приехать?

– Что-нибудь случилось?

– Да, я бы хотела, чтобы мы сегодня с тобой съездили в стриптиз-бар «Три шестерки».

– С каких это пор ты стала ездить в такие заведения?

– Там танцует подруга Бульдога. Я думаю, что сегодня вечером он будет там.

– На кой черт он тебе сдался?

– Понимаешь, я сегодня его уволила, а теперь хочу ему сказать, что он вновь принят на работу.

– Послушай, Чупа, не проще ли подыскать другого профессионального телохранителя?

– Нет, я хочу именно его. Наши отношения стали портиться с тех пор, как ты внушила мне эти дурацкие подозрения. Бульдог чист, как кленовый лист, и мне стыдно, что я его подозревала. Так ты поедешь?

– А куда мне деваться, конечно, поеду. Ты, подруга, кажется, влюбилась, и никто не сможет контролировать твои чувства лучше, чем я. Хотя на любовь это не похоже. Скорее всего, ты просто давно не была с мужчиной.

– Тогда решено. Давай встретимся ровно в десять вечера у входа в бар.

Положив трубку, я решила хоть как-то снять нервное напряжение. Достав из бара виски «Блэк Велвет», я с удовольствием налила себе полную рюмку. Нужно немного расслабиться. В «Три шестерки» поеду с водителем, сама за руль не сяду. Это мое самое любимое виски. Оно производится из отборного зерна, выращенного в центральных районах Канады. Выдер-

живают его в небольших дубовых бочках и разливают в бутылки под строгим контролем правительства. Это чудеснейший напиток, и слава богу, что наши народные умельцы пока еще не научились делать суррогат. «Блэк Велвет» я всегда отличу от любого другого виски. У этого напитка бархатистый вкус, подтверждающий его название. Выпив пару рюмок, я закрыла глаза и постаралась немного вздремнуть.

Глава 5

Без пятнадцати десять я подъехала к бару «Три шестерки» и стала ждать Юльку. С водителем разговаривать особо не хотелось, поэтому мне ничего не оставалось, как молча уставиться в окно. Машины, принадлежавшей Бульдогу, нигде не было, и это наводило на мысль о том, что в данный момент его здесь нет.

Юлька появилась ровно в десять. Удивленно посмотрев на меня, она спросила:

– Чупа, ты что, одна?

– С водителем.

– И все?

– Вроде все.

– Тебе что, трудно было взять кого-нибудь из охраны?

– Да ну, мне иногда хочется побыть одной.

– Во дела! Это ты зря. Сегодня мне придется побыть твоим телохранителем.

Мы зашли в бар и сели за столик.

– Ну, где же твой Бульдог?

– Что-то нет, – вздохнула я.

– А ты уверена, что он вообще сегодня объявится?

– Хрен его знает. Посидим часок да свалим.

Мы заказали по коктейлю и стали смотреть на танцующих девушек. Девушки постепенно обнажались, снимая сверхсексуальные детали женского белья. Это вызывало шумный восторг у публики, которая, дико визжа, хлопала в ладоши.

– Неприятный здесь народ собрался, – вздохнула я. – Мне вообще не нравятся заведения такого рода.

Заметив официанта, я махнула рукой, подзывая его к себе.

– Какую из этих девочек зовут Дашей?

– Вон ту, крайнюю справа.

– Благодарю.

Я оценивающе посмотрела на танцующую девушку и пришла к выводу, что она довольно-таки ничего. Молоденькая, симпатичная, с неплохой фигуркой.

– Вон та спит с Бульдогом, – показала я Юльке.

– Я ей не завидую, – вздохнула она, с любопытством разглядывая молоденькую стриптизершу.

Случайно посмотрев на входную дверь, я вздрогнула от неожиданности. В зал входил Бульдог в состоянии жуткого алкогольного опьянения. На нем была рубашка с расстегнутым воротом и мятые брюки. Дойдя до сцены, он сел за свободный столик и заказал себе бутылку водки.

– В таком виде мы с тобой его еще не видели. Похоже, что его выбило из колеи сегодняшнее увольнение, – еле слышно прошептала Юлька.

– Сиди здесь и жди меня.

Я набрала воздуху, поправила прическу и пошла к столику, за которым сидел Бульдог. Увидев меня, он вытаращил глаза и несколько раз их протер.

– Тебе не приснилось – это я.

– Чупа, а тебя каким ветром сюда занесло? Не знал, что тебя интересует стриптиз.

– Тебе хорошо известно, что стриптиз меня интересует меньше всего. Я приехала сюда только из-за тебя.

– Надо же! И за что я удостоен такой высокой чести?

– Я хотела тебя предупредить, что с завтрашнего дня ты вновь принят на работу.

– Это что, в насильственном порядке?

– Я думаю, что ты выйдешь на работу добровольно.

Неожиданно к столику подошла Юлька. У нее был крайне возбужденный вид.

– Чупа! Мне надо уехать.

– Что случилось?

– Витька позвонил. Что-то дома случилось, а что – не говорит. Я на час отлучусь. Ты посиди без меня.

– Позвони мне, как доберешься, а за меня не переживай, меня Бульдог проводит.

Юлька подозрительно покосилась на пьяного Бульдога и спросила:

– Чупа, ты в этом уверена?

– Не переживай, я сдам Чупу пацанам в полной сохранности, – улыбнулся Бульдог.

– Езжай домой и никуда сегодня больше не дергайся.

– Со мной все будет в полном порядке. Только обязательно мне позвони. Я должна знать, что ничего серьезного не произошло.

– Договорились.

Юлька ушла, а я, заглянув Бульдогу в глаза, положила ладонь на его руку. Бульдог тяжело задышал и отрывисто спросил:

– Ты что, совсем одна приехала? А где охрана?

– Я здесь только с водителем.

– Но это же безумие! Тебя пытались убить, а ты ездишь с одним водителем.

– Ты же меня бросил…

– Я тебя не бросал. Ты сама меня уволила.

– Мне казалось, что ты был не против.

– Слово хозяина – закон, – криво ухмыльнулся Бульдог, бросив на меня оценивающий взгляд.

– А ты знаешь, что на хозяев так не смотрят?

– Знаю, – улыбнулся Бульдог и похлопал меня по плечу. – Ты что будешь пить?

– Я бы не отказалась от виски.

– Ты же любишь «Черный бархат», а я не уверен, что в этой забегаловке есть столь изысканные напитки.

Бульдог подозвал официанта, но тот отрицательно покачал головой.

– Здесь твои барские замашки никому не нужны. Давай что-нибудь попроще.

– Тогда закажи что-нибудь на свое усмотрение, – махнула я рукой.

– Договорились.

Когда официант отошел от столика, я укоризненно посмотрела на Бульдога и в сердцах произнесла:

– Видок у тебя – нарочно не придумаешь… Никогда не видела, чтобы ты выглядел подобным образом.

– Я и сам себя таким никогда не видел.

Официант принес два незамысловатых коктейля и поставил перед нами.

– Тебе не кажется, что на сегодня уже хватит пить? – обратилась я к Бульдогу.

– Не кажется, – пробурчал он, уткнувшись в свой коктейль.

Музыка замолчала, и девушки зашли за кулисы. На сцене появилась парочка молоденьких парней и начала показывать мужской стриптиз.

– Тебе нравится смотреть такие вещи? – Бульдог лукаво подмигнул мне.

– Сейчас не то настроение. Я вообще не люблю столь дешевые заведения. Давай уйдем отсюда.

Не успела я договорить фразу, как к нашему столику подошла та самая девушка, которую звали Даша. На ней был блестящий лифчик и коротенькая юбочка. Не обращая на меня

никакого внимания, она бесцеремонно залезла к Бульдогу на колени, обвила его шею руками и нежно промурлыкала:

– Макс, закажи мне коктейль.

Бульдог грубо одернул ее:

– Слезь с коленей. Видишь – я с человеком разговариваю.

– Через пять минут мой выход. Я хотела провести эти пять минут с тобой…

– Слезь с коленей и не имей дурной привычки мешать старшим, когда они разговаривают.

Девушка послушно встала, бросив на меня свирепый взгляд. Затем она обиженно посмотрела на Бульдога и тихо произнесла:

– Ну, я пошла.

– Иди.

Когда она удалилась, Бульдог заказал себе еще пару коктейлей.

– Ты ее не шибко жалуешь.

– Я же не могу ее жаловать, когда рядом со мной сидишь ты.

– Она у тебя довольно симпатичная.

– Да, все при ней, кроме мозгов.

Я глотнула коктейль и почувствовала, как учащенно забилось сердце. Почему-то стало трудно дышать. Какое-то глупое предчувствие беды – совсем как тогда, в Гатчинском дворце. Руки задрожали, стакан с коктейлем упал и разбился.

Я постаралась разглядеть публику, сидящую за соседними столиками, но из-за сумасшедшего количества дыма от выкуренных сигарет это оказалось невозможным.

– Ты что? – испуганно спросил Бульдог. – Тебе плохо?

– Мне кажется, что меня сейчас убьют, – произнесла я, с трудом разлепив губы, и расстегнула верхние пуговички на блузке.

Бульдог вытащил пистолет и, свирепо вращая глазами, стал смотреть по сторонам. Так как он был сильно пьян, его реакция была совсем никудышной.

Заиграла музыка, и на сцену вышла Даша. Бросив взгляд на Бульдога, она начала танцевать. Бульдог нащупал под столом мою руку и прошептал:

– Сейчас попробуем потихоньку отсюда уйти.

Я достала платок и вытерла пот со лба.

– Да, давай уходить. Мне что-то совсем муторно.

В этот момент Даша спустилась со сцены и, пританцовывая, направилась к нашему столику. Непроизвольно мы оказались в центре внимания всего зала. Публика с удовольствием разглядывала нас и смотрела, как танцует стриптизерша. Даша встала на пустой стул и залезла на наш столик. Скинув бюстгальтер и тоненькие трусики, она повернулась лицом к Бульдогу и стала томно извиваться прямо у него под носом. Окружающие громко засвистели и захлопали в ладоши. Мне казалось, что я нахожусь под дулом пистолета. Собравшись с силами, я резко поднялась, собираясь направиться к выходу, но Даша загородила мне дорогу, зло крикнув:

– Это мой мужчина, понятно?!

Я попыталась ее оттолкнуть, но она схватила меня за руку. Бульдог вскочил и стал что-то говорить своей чертовой подруге. Я ничего не слышала, кроме того, как бьется мое сердце и стучат виски.

Все, что произошло дальше, случилось так быстро, что я ничего не успела сообразить. Раздались приглушенные хлопки, и Даша стала медленно оседать у меня на глазах. Бульдог прыгнул и повалил меня на пол. Я сильно ударилась головой и сморщилась от боли. Бульдог лежал сверху, закрыв меня своим телом. В зале зашумели и включили свет. Нас окружило плотное кольцо зевак.

Бульдог поднялся и помог мне встать. Я посмотрела на свой живот и увидела кровь. Странно, но боли я совершенно не чувствовала. Кровавые пятна доходили до самой шеи. Затем

я перевела взгляд на Бульдога. Его рубашка тоже была забрызгана кровью, а на плече виднелось приличное кровавое пятно. Все понятно: значит, пуля досталась ему, хотя предназначалась она мне.

– Что с тобой? – Я подошла к Бульдогу и разорвала рубашку.

– Пуля в плече сидит.

Я взяла сотовый и испуганно проговорила:

– Сейчас я вызову «Скорую».

– Ни в коем случае. Лучше помоги мне потуже перевязать плечо. Доедем до больницы, там мне эту штуку вытащат.

Я стала перевязывать плечо полотенцем, которое в спешке отобрала у застывшего официанта.

– Давай быстрее, – торопил меня Бульдог. – Сейчас здесь будут менты. Ни тебе, ни мне незачем перед ними светиться.

Оказав помощь Бульдогу, я подошла к Даше. Она лежала, закрыв глаза, в голове у нее зияла приличная рана.

Кто-то подошел и накинул на нее простыню. Бульдог встал на колени, приоткрыл простыню и поцеловал ее в лоб. Затем он схватил меня за руку и потащил на кухню. Я по-прежнему смотрела на распростертое тело девушки, накрытое простыней, и не могла сдержать слез.

– Пойдем. Ей уже ничто не поможет. Она мертва.

Я побежала следом за Бульдогом.

– Куда мы бежим?

– На кухню.

– Зачем?

– Выйдем через черный ход. У парадного подъезда уже наверняка объявилась милиция.

Очутившись на улице, я прижалась к Бульдогу и со слезами на глазах спросила:

– Как твое плечо?

– В порядке.

– Скажешь тоже – как оно может быть в порядке, если в нем торчит пуля. Нужно срочно в больницу. Может быть заражение или еще что-нибудь, это не шуточки. Сейчас я позвоню своему личному врачу и спрошу, куда нужно подъехать.

Бульдог застонал и закрыл глаза. Наверное, ему было плохо. Я дрожащей рукой набрала номер.

– У меня человек ранен, – сказала я, услышав знакомый голос. – Нужно немедленно вытащить пулю. Куда приехать?

Мой дедуля быстро назвал адрес частной клиники, в которой он дежурил этой ночью, и я пообещала приехать в течение ближайшего часа. Спрятав сотовый, я внимательно посмотрела на Бульдога. Он стоял без движений, не открывая глаз.

– Бульдог, тебе что, совсем плохо? – испуганно спросила я, осторожно взяв его за руку. Он вздрогнул и словно очнулся от какого-то сна. – Макс, тебе плохо? – повторила я.

– Как ты меня назвала?

– Макс. А что здесь такого? Это же твое имя.

– Ты так нежно произнесла это…

– Пойдем, нельзя терять ни минуты. Мой врач уже нас ждет. Ты же теряешь кровь.

– Как я могу ее терять, если ты мне перевязала плечо.

– Повязка вся мокрая.

– Надо было потуже перевязать.

– У меня не хватает сил. – Я взяла Бульдога под руку и направилась к машине. – Поедем на моей машине. Я с водителем. Боюсь, что в таком состоянии ни тебе, ни мне не надо управлять машиной.

Бульдог крепко сжал мою руку и уткнулся в волосы.

– Ты так вкусно пахнешь. Свежим сеном.

– Чем?

– Свежим сеном. Я всегда чувствовал твой запах. Он какой-то особенный. Я никогда не знал женщину, которая бы так пахла. Дашка всегда пахла дешевым портвейном и сигаретами…

– Макс, пошли – иначе будет поздно. Ты несешь бред. Ты в шоке оттого, что потерял свою девушку.

Я потащила его к своей машине. У входа в ресторан стояло несколько милицейских машин и собралась масса народу. Хорошо, что мою машину водитель припарковал чуть дальше. Поэтому нам с Бульдогом удалось пройти незамеченными. Водитель положил голову на руль и спал без задних ног.

– В здоровом теле здоровый дух, – сделала я заключение и села на заднее сиденье автомобиля. Бульдог устроился рядом, крепко обнял меня и захлопнул дверь.

– Стас, поехали. Просыпайся. – Он постучал водителя по плечу. Но Стас по-прежнему спал.

– Может, он чего принял? – испугалась я. – Да вроде он всегда обязательный. На работе не пьет. Наркотиками не балуется.

– Стас, ты что, совсем спятил? Чупа в машине. Ну-ка, просыпайся!

Бульдог наклонился и схватил Стаса за воротник. Стас откинул голову назад. Из открытого рта тоненькой струйкой текла кровь. Я вскрикнула и прижалась к Бульдогу.

Бульдог взял Стаса за руку и пощупал пульс.

– Еще тепленький. Убит выстрелом в рот недавно.

Я почувствовала, как задрожало мое тело, и постаралась взять себя в руки.

– Надо отогнать машину подальше и позвонить пацанам. Пусть они отвезут Стаса в морг и сообщат его семье о случившемся. К твоей машине подходить нельзя. Она стоит почти у самого входа, и вокруг нее шныряют менты. Если они увидят раненого хозяина, то возникнут ненужные вопросы.

Бульдог перетащил Стаса на заднее сиденье, а сам сел за руль.

– Ты уверен, что сможешь вести машину? Ты ранен и пьян.

– Я могу водить машину в любом состоянии. Ты как себя чувствуешь рядом с трупом?

– Скверно, – вздохнула я. – Стас был неплохим парнем. У него остались жена и двое детей. Даже не верится, что он мертв.

Бульдог надавил на газ, и машина тронулась с места.

Я с ужасом смотрела на кровавое пятно, растекающееся вокруг Стаса. Затем, тяжело вздохнув, набрала номер мобильного Гарика и быстро проговорила:

– Гарик, привет. Это Чупа. У нас проблемы. Стаса убили, а Бульдога ранили… Мне нужно везти Бульдога в больницу. Машину со Стасом мы оставим напротив Дворцового моста. Это самое безопасное место. Там сейчас народу соберется немерено к разводу мостов, и до нашей тачки никому не будет дела. Подъедешь, заберешь Стаса и отвезешь его в морг. Жене сообщишь о случившемся и возьмешь организацию похорон на нас. Я повезу Бульдога в больницу. Как все закончится – сразу позвоню тебе.

– Чупа, а кто Стаса убил? – спросил Гарик.

– Не знаю. Мы сидели в «Трех шестерках», началась стрельба. Бульдог закрыл меня своим телом, а Стаса убили в машине, выстрелив ему в рот.

– Чупа, я все сделаю, можешь не волноваться…

Положив трубку, я посмотрела на Бульдога. Цвет его лица оставлял желать лучшего. Мне казалось, что еще совсем немного – и он потеряет сознание. Доехав до Дворцового моста, мы оставили машину со Стасом на видном месте, а сами поймали такси и минут за десять доехали до нужной больницы. В дороге я набрала номер Гарика и с облегчением узнала, что

мои мальчики уже повезли тело Стаса в морг. У приемного покоя я помогла Бульдогу вылезти из машины и нажала на кнопку звонка. Попав внутрь, я поздоровалась со своим врачом и повела Бульдога в операционную. Мой дедуля обколол руку новокаином и стал доставать пулю. Я не могла поверить, что пулю можно достать без наркоза, мне казалось, что я сама чувствую ту адскую боль, которую чувствовал Бульдог. Он морщился, но не издал ни звука. Когда все закончилось, я подошла к врачу и чуть слышно спросила:

– Ну что, жить будет?

– А куда он денется? – весело улыбнулся дедуля. – Здоровый, крепкий парень.

– Дай бог. – Я взяла Бульдога за руку: – Ты как?

– Нормально. А ты?

– Я тоже ничего. Жива благодаря тому, что пуля попала в твое широкое плечо. Девушку твою жалко. Совсем молоденькая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.